

ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
Д. Д. БЛАГОЙ

А. Н. РАДИЩЕВ
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Серия II
№№ 16 и 17
I квартал

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва — 1953

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Доктор филологических наук
Д. Д. БЛАГОЙ

А. Н. РАДИЩЕВ
Жизнь и творчество

(Лекции 1-я и 2-я)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

1953 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
Лекция 1-я	
Время Радищева	3
Молодые годы Радищева	6
Первое литературное выступление Радищева	9
Радищев в годы реакции	12
Ода «Вольность»	14
Революционная публицистика Радищева	17
«Житие Ушакова»	20
Лекция 2-я	
«Путешествие из Петербурга в Москву»	21
Расправа над Радищевым	36
Радищев в Сибири	39
Последние годы жизни	41
Значение Радищева	46

Редактор — **Е. Н. КОНЮХОВА.**

А-01811. Подп. к печ. 10/II 1953 г. Тираж 150 000 экз. Изд. № 308.

Формат бумаги 60 × 92¹/₁₆ — 1,5 б. л. = 3 п. л. 3,15 уч.-изд. л. Зак. 3385.

Типогр. газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Лекция первая

Русский народ, победоносно совершивший величайшую в мире революцию, обладает огромным революционным опытом, замечательной революционной традицией. Товарищ Сталин пишет: «Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала ещё Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых»¹.

Благородная фигура выдающегося русского революционера и писателя Александра Николаевича Радищева — автора оды «Вольность», «Путешествия из Петербурга в Москву», материалистического трактата «О человеке» — открывает собой славную историю России революционной. Первый провозвестник революции, направленной на уничтожение российского самодержавия и крепостничества, Радищев был убежденным противником всякого политического и общественного строя, основанного на рабстве и насилии; был достойным сыном народа, который впервые в истории человечества уничтожил на одной шестой части земного шара все и всяческие формы угнетения человека человеком.

Время Радищева

В последнюю треть XVIII века — период, на который приходится деятельность Радищева, — в царской России происходят значительные внутренние изменения. Все усиливаются элементы капиталистического развития, растет промышленность, увеличивается торговля. Это влечет за собой дальнейший стремительный рост и усиление Русского государства, которое выдвигается в эту пору в число наиболее сильных мировых держав. В ряде победоносных войн русские войска, предводительствуемые крупнейшими полководцами эпохи во главе с великим Суворовым, наносят сокрушительные удары зарубежным хищникам, пытавшимся остановить развитие русской нации. «Российское воинство... превысило чаяния всех, на по-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 25.

двиги его взирающих оком равнодушным или завистливым»¹, — писал Радищев.

Растущая и крепнущая русская нация все ощутимее проявляет свою мощь и одаренность во всех областях общественной жизни и культуры: в труде, в науке, в литературе, в искусстве. Но победоносный русский народ в подавляющем большинстве своем продолжал оставаться в тяжелых цепях крепостничества. Владельцы «крепостных душ», помещики, также втягивавшиеся в капиталистическое развитие, старались повысить производительность крестьянского труда крайним усилением крепостнической эксплуатации. Частые войны тоже ложились всей своей тяжестью на плечи трудового народа. Все это порождало грозно нараставший протест крестьянства, выражавшийся в многочисленных и непрерывных волнениях, восстаниях, убийствах помещиков, побегах. «Когда было крепостное право, — пишет В. И. Ленин, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство... но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»². За одно только десятилетие — с 1762 по 1772 год — произошло до 40 крупных крестьянских восстаний; волнениями было охвачено одновременно до 250 тысяч крестьян.

Выступления крестьян подавлялись самым беспощадным образом. Но это не помогало. В начале 70-х годов разрозненные вспышки и волнения перерастают в грандиозную крестьянскую войну под предводительством Пугачева, бушевавшую около двух лет и охватившую огромную территорию, на которой находилось до 20 процентов населения всей страны. Все это ставило крестьянский вопрос в центр внимания всех классов общества.

Вынуждаемая новыми экономическими условиями, острой политической обстановкой в стране, волнениями многомиллионного крестьянского моря, Екатерина II стремилась придать своему тираническому самовластию видимость «просвещенного абсолютизма». «Тартюф в юбке и короне», по меткому определению Пушкина, императрица не скупилась на пышные либеральные фразы и обещания; вступила в оживленные отношения с Вольтером и другими французскими философами-просветителями, стараясь уверить всех и у себя дома и за границей в якобы подлинно «материнском», направленном ко благу всех подданных и высоко просвещенном характере своего правления. В 1767 году Екатериной был издан указ о запрещении крестьянам жаловаться на помещиков под угрозой каторги. Одновременно она с большой помпой созвала специальную

¹ А. Н. Радищев. Избранные сочинения, стр. 238. Гослитиздат. 1949. Далее цитируется по этому изданию, в отдельных случаях по Полному собранию сочинений. 1938—1941.

² В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 384. Изд. 4-е.

комиссию депутатов для приведения в порядок крайне запущенного, во многом противоречивого и потому открывавшего простор для самых невероятных злоупотреблений со стороны судей и администрации законодательства — составления нового «Уложения». В комиссию была призвана, как об этом торжественно возвещалось, «вся нация» — выборные депутаты со всех концов страны, от всех сословий, за исключением только помещичьих крестьян, которые тем самым цинично исключались из понятия нации. В руки депутатам Екатерина дала специально составленный ею «Наказ», на вид весьма радикального свойства, надерганный из популярных произведений западноевропейской просветительной философии. Однако, когда некоторые депутаты приняли было этот наказ всерьез и стали ставить вопрос о действительных реформах и, прежде всего, о некотором смягчении крепостного права, Екатерина под благовидным предлогом начавшейся войны с Турцией распустила комиссию на неопределенное время и больше уже никогда ее не собирала. Но с особенной наглядностью истинная сущность екатерининского «просвещенного абсолютизма» выступила после подавления пугачевского восстания, когда Екатерина установила в стране режим жесточайшей дворянско-помещичьей диктатуры.

Крестьянское восстание под предводительством Пугачева, сколь грозный размах оно ни приняло, победить не могло. «Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя»¹. Тем не менее могучая крестьянская война 1773—1775 годов нанесла серьезный удар феодально-крепостническому строю. Очень велико было ее влияние на духовную жизнь эпохи, на умы современников.

Полтавская победа, открывшая России выход к Балтийскому морю и тем обеспечившая возможность существования русской нации, как нации великой, вызвала к жизни богатырскую фигуру Ломоносова. Крестьянская война под предводительством Пугачева, направленная против ограниченной классовой формы, в которую отлилось национальное российское государство — государство помещиков и торговцев, явилась той почвой, на которой выросла не менее богатырская в своем роде деятельность Радищева.

Герцен хорошо сказал о Ломоносове: «Этот знаменитый ученый был типом русского, как по своей энциклопедичности,

¹ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 9. Госполитиздат. 1938.

так и по остроте своего понимания». Обими этими национально-русскими, ломоносовскими чертами обладал и Радищев.

Философ-материалист, революционный политический мыслитель, писатель-демократ, Радищев был человеком исключительно больших знаний и широких всеобъемлющих интересов. Вместе с тем он отличался той остротой понимания, той замечательной ясностью ума, которая дала ему возможность так глубоко, как никому из его предшественников и современников, проникнуть в сущность социально-политических отношений царской России, понять вопиющую их несправедливость и наметить единственно верный путь освобождения подавляющего большинства русского народа от его внутренних насильников и угнетателей — путь вооруженного восстания, революции.

Молодые годы Радищева

Радищев, как декабристы, как Герцен и Огарев, по рождению, воспитанию и общественному положению был связан с помещичьей, барской средой. Но он решительно выступил против этой среды, твердо стал на сторону интересов поработанного крестьянства. Он был первым среди тех лучших людей из дворян, которые помогли разбудить народ.

Александр Николаевич Радищев (1749—1802) родился в богатой помещичьей семье, по одним источникам — в Москве, по другим — в селе Верхнем Аблязове (ныне Кузнецкого района Пензенской области). Первыми воспитателями мальчика были крепостные его отца: нянюшка Прасковья Клементьевна, которую Радищев тепло вспоминает впоследствии в одной из глав «Путешествия из Петербурга в Москву», и дядька Петр Мамонтов, по прозвищу Сума, образ которого он рисует в своей сказочной поэме «Бова»; им-то мальчик Радищев и был обучен грамоте. Для продолжения образования родители поселили сына в Москве у дяди М. Ф. Аргамакова, бывшего в родстве с директором только что открывшегося Московского университета. Радищев воспитывался и учился вместе с детьми Аргамакова. Уроки им давали лучшие профессора Московского университета. Вскоре после дворцового переворота 1762 года — захвата царской власти Екатериной II, низложившей с престола своего мужа Петра, убитого вслед за тем ее приверженцами, — Радищев был зачислен в привилегированное учебное заведение — Петербургский Пажеский корпус. Питомцы корпуса должны были дежурить во дворце, прислуживая в качестве пажей самой императрице и членам царской семьи. Радищев мог здесь видеть и наблюдать многое, что послужило ему впоследствии в «Путешествии» благодарным материалом для изображения раблепной дворцовой атмосферы и растленных придворных нравов.

По окончании корпуса с отличием Радищев, видимо, в связи с широковегательными проектами Екатерины в области законодательства, был отправлен по ее личному распоряжению, в числе других пажей, в Лейпцигский университет для изучения юридических наук. В прохождении обязательных предметов Радищев, согласно отзывам, «превзошел чаяния своих учителей». Наряду с этим Радищев и его товарищи усилно занимались самообразованием, в частности чтением и изучением передовых философов-материалистов (Гельвеций) и писателей — социальных утопистов (Ж.-Ж. Руссо, Мабли). Именно эти совместные чтения, обсуждения, споры, а не курсы лейпцигских университетских профессоров, в большинстве своем исполненные педантизма и схоластики, имели наибольшее значение для Радищева, помогли развитию его самостоятельной критической мысли. Пребывание на чужбине сплотило русских студентов в тесный кружок. Дружески-братские отношения — «союз душ» — сохранились между Радищевым и рядом его товарищей на всю жизнь. Особенно утвердились и окрепли эти дружеские связи в результате той общей борьбы, которую вскоре повели русские студенты с приставленным к ним императрицей инспектором — «гофмейстером» из немцев — майором Бокумом. Бокум был тупой, грубый и корыстный человек: присваивая себе деньги, назначенные на содержание русских студентов, он держал их впроголодь, безобразно обращался с ними, подвергал унижительным телесным наказаниям, граничившим с прямыми истязаниями. Попытки студентов писать о поведении Бокума в Петербург ни к чему не привели. Тогда студенты решили действовать сами. Особным влиянием и авторитетом в их среде пользовался Федор Васильевич Ушаков. Он был значительно старше других, находился на пути к блестящей карьере, но, «алкая науки», бросил все и добился присоединения к группе юношей, направляемых в Лейпциг. Ушаков сразу же повел себя крайне независимо по отношению к Бокуму, а через некоторое время и прямо возглавил резкую оппозицию ему со стороны всех студентов. Кончилось это форменным «бунтом».

Конфликт с Бокумом разрешился вмешательством русского посла в Лейпциге, который «помирил» студентов с Бокумом. В духовном развитии Радищева столкновение с Бокумом сыграло весьма значительную роль и запомнилось ему на долгие годы. Борьба с «злонравным» чиновником, «частным» тираном и «притеснителем» была для Радищева, как он сам об этом позднее свидетельствовал, практической воспитательной школой, в которой он приобрел «деятельную науку нравственности»; эта борьба открыла ему глаза на многое и оказала большое влияние на развитие его политического сознания и политической мысли.

Окончив курс в университете, Радищев выехал обратно на

родину. Современник Радищева Фонвизин в своей комедии «Бригадир» дал в образе Иванушки яркое сатирическое изображение русских помещичьих сынков, которые, побывав за границей, вывозили оттуда рабское низкопоклонство перед всем чужестранным и пренебрежение к родной земле и к своему народу. В полную противоположность всем этим многочисленным российским Иванушкам, в Радищеве пребывание на чужбине еще больше усилило любовь и преданность к родной стране. Радищев и его друзья ехали на родину, исполненные самых высоких гражданских чувств, самых искренних стремлений употребить свои знания и способности на пользу родной земли. Вспоминая почти двадцать лет спустя о «восторге», охватившем их, когда они подъезжали к границе,— «узрели межу, Россию от Курляндии отделяющую»,— Радищев горячо продолжает: «Если кто бесстрашный ничего иного в восторге не видит, как неумеренность или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги; но если кто, понимая, что есть исступление, скажет, что не было в нас такового и что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества, тот, скажу, не знает сердца человеческого». Готовность «жертвовать и жизнью для пользы отечества» осталась преобладающим чувством Радищева в течение всей его жизни. Но зрелище того, что он увидел на родине, быстро омрачило его радость. «Признаюсь,— пишет он далее,— ...что последовавшее по возвращении нашем жар сей в нас гораздо умерило».

Либерально-просветительные жесты и фразы Екатерины первых лет ее царствования уже не могли скрывать подлинной сущности ее самовластия. Комиссия депутатов фактически прекратила к этому времени свое существование. Для большой работы в области нового законодательства, на самое видное участие в которой Радищев имел все основания рассчитывать, в создавшейся обстановке не было места. Радищев вынужден был занять весьма скромную должность сенатского протоколиста. Составление «протоколов» по слушавшимся в Сенате судебным делам вводило в самую гущу крепостнической действительности. Перед Радищевым проходила целая вереница дел о крепостных: крестьянские «бунты» и волнения, усмиряемые «мелким ружьем и пушкой», истязания помещиками крестьян, засекаемых до смерти или доводимых до самоубийства. При этом наказания на убийц-помещиков налагались обычно самые ничтожные. Зато с не выдержавшими всех этих жестокостей и надругательств и убежавшими от своих господ или убивавшими их крестьянами поступали «по всей строгости законов» — забивали кнутом, рвали ноздри, подвергали мучительной смертной казни. Как раз во время возвращения Радищева на родину был жестоко усмирен так называемый «чумный бунт» в Москве; ряд участников его был повешен. Около

этого же времени вспыхнул бунт яицких казаков, также подавленный самым беспощадным образом. Через короткое время в тех же местах грянуло восстание Пугачева, два года спустя потопленное в крови екатерининскими генералами. Служба в качестве сенатского протоколиста, то есть пассивного регистратора совершающихся насилий и неправд, не могла удовлетворить Радищева. Он перешел на военную службу, а в 1775 году, вскоре после казни Пугачева, вовсе вышел в отставку.

Первое литературное выступление Радищева

В последнюю треть XVIII века в связи с общей обстановкой в стране — ростом национально-патриотического сознания, крайним обострением социальных противоречий — достигает замечательного развития русская общественная мысль и русская художественная литература.

Наряду с заемным, поверхностным, ханжески-лицемерным «вольтерьянством» Екатерины II и ее придворного окружения и в борьбе с ним складывалась и вызревала передовая русская просветительная философия. В 1769 году вышла в свет диссертация магистра Московского университета Д. Аничкова, в которой отрицалась божественная природа религии и доказывалось ее чисто земное, «натуральное» происхождение. Подобным же атеистическим и материалистическим духом были проникнуты многочисленные работы выдающегося русского юриста, товарища Аничкова по Московскому университету, профессора С. Е. Десницкого. Разностороннюю научно-публицистическую деятельность развернул Я. П. Козельский. В 1768 году он опубликовал свою работу «Философические предложения», в которой резко высказывался прогив самовластия, социального неравенства, ига церкви. Те же мысли Козельский развивал в предисловиях и примечаниях к ряду своих переводных трудов. Все это создавало благоприятную почву для дальнейшего развития философской и общественно-политической мысли самого Радищева, которая уже в эту пору была окрашена в материалистические тона. Вместе с тем, именно Радищев стал вершиной русского Просвещения XVIII века, продвинувшись в этом отношении неизмеримо дальше всех своих предшественников и современников.

Резкое размежевание на два лагеря происходило в эту пору и в русской художественной литературе, которая начала приобретать все большее влияние и авторитет в широких читательских кругах, становится заметной общественной силой. О большом общественном значении литературы нагляднее всего свидетельствует то, что сама Екатерина II решила выйти на писательское поприще, стала вести оживленную литературно-издательскую деятельность, настойчиво пытаясь подчинить всю литературу своим политическим целям, поставить ее на службу

российскому самодержавию. Однако усилия эти оставались в основном тщетными. Передовые писатели стали в резкую оппозицию правительственному лагерю. Ко времени возвращения Радищева в Россию возглавил эту оппозицию в своих сатирических журналах «Трутень» (1769—1770) и «Живописец» (1772—1773) выдающийся писатель-сатирик Н. И. Новиков.

Новиков вступил в смелую полемику с самой императрицей по коренному вопросу о целях и приемах сатиры, который приобретал особенно важное значение в связи со все усиливавшимся в то время в литературе критическим отношением к политическим порядкам, существовавшим в стране. Екатерина стремилась обезопасить для себя этот критический дух, усиленно насаждая сатиру в «улыбательном вкусе», подменяя политический протест невинными шуточками над человеческими слабостями вообще. Новиков, наоборот, требовал от писателя-сатирика прямого и резкого обличения существующих политических не порядков, не останавливаясь и перед сатирой «на лица» — беспощадными разоблачениями и бичеваниями конкретных виновников совершающегося зла. Именно так и действовал он в своих журналах, смело нападая в них на грубых и невежественно-кичливых помещиков-крепостников, низкопозвожающихся перед всем иностранным придворных, взяточников-чиновников — подьячих. Особенной силы сатира новиковских журналов достигла в «Отрывке из путешествия в***», опубликованном в «Живописце». «Отрывок» явился самым гневным и смелым обличением крепостного рабства в литературе вплоть до появления восемнадцать лет спустя радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву». Сходство «Отрывка» с «Путешествием» даже в чисто жанровом отношении (в обоих случаях — описание дорожных впечатлений путешественника) так велико, что большинство ученых до самого последнего времени считало, что автором его был также Радищев. Однако новейшие исследователи установили, что гораздо больше оснований считать, что «Отрывок» принадлежит перу самого издателя «Живописца» — Новикова.

Расцвет социально-политической сатиры, нашедшей такое яркое выражение и в литературной деятельности Новикова, и в творчестве одного из сотрудников его «Живописца», позднее автора знаменитого «Недоросля», Фонвизина, и в некоторых сатирических одах крупнейшего поэта XVIII века Державина, также явился весьма благоприятным для развертывания в определенном направлении художественного дарования автора «Путешествия из Петербурга в Москву». Но и здесь Радищев опять-таки пошел так далеко, как никто из современных ему писателей.

Характеризуя русскую сатиру XVIII века до Радищева, критик — революционный демократ Добролюбов правильно

подчеркивал ее относительную ограниченность. Сатира XVIII века, указывал он, нападала даже в лучших ее образцах «не на принцип, не на основу зла», то есть самодержавно-крепостнический строй в целом, а лишь на частные проявления этого зла — «только на злоупотребления того, что в наших понятиях есть уже само по себе зло». «Никогда почти, — писал Добролюбов, — не добирались сатирики до главного, существенного зла, не раздражались грозным обличением против того, от чего происходят и развиваются общие народные недостатки и бедствия». Автор «Путешествия из Петербурга в Москву» впервые переступил ту черту, перед которой останавливались все его предшественники, «добрался» до «главного, существенного зла», разразился «грозным обличением» против основы, принципа зла, то есть против всей системы самодержавия и крепостничества.

Бороться с «главным, существенным злом» средствами слова, литературы Радищев начинает почти сразу же после своего возвращения в Россию. Завязывая отношения с передовыми литературными кругами, Радищев сближается с Новиковым, принимая участие в качестве переводчика в работе организованного им «Общества, старающегося о напечатании книг». В 1773 году «Общество» издает перевод Радищевым историко-философского труда «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков» одного из самых передовых представителей французской просветительной философии — историка и публициста Мабли. Радищев не просто перевел Мабли; он присоединил к переводу ряд своих примечаний, подчас критического, а порой и острого злобно-дневно-политического характера. Особенно замечательно одно из них, в котором Радищев, поясняя термин Мабли «деспотизм», заменяет его столь знакомым тогдашнему русскому читателю словом «самодержавство». Екатерина и ее присные, опираясь на политическую теорию «просвещенного абсолютизма», усиленно выдвигавшуюся большинством французских философов-просветителей, начиная с Вольтера, старались всячески разграничить эти два понятия, настойчиво противопоставляя деспотическому режиму якобы «просвещенное», действующее во благо народа, российское «самодержавство». Радищев, наоборот, в своем примечании прямо отождествляет то и другое, полностью распространяя на самодержавное правление российских монархов то, что обычно объявлялось присущим только деспотизму.

«Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние», — заявляет в своем примечании Радищев и продолжает: «Мы... не можем дать над собою неограниченной власти... Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками».

Предельная сжатость этого примечания, придающая ему характер почти формулы, лучше всего показывает, насколько твердо, продуманно и точно сложились уже к этому времени общественно-политические взгляды Радищева. Ведь категорический отказ в праве одному человеку иметь «неограниченную власть» над другими определяет собой отношение Радищева не только к самодержавию, но и к крепостничеству, которое и строилось на признании такой неограниченной власти.

Таким образом, уже тогда перед молодым двадцатичетырехлетним Радищевым встали во весь рост два основных зла царской России — самодержавие и крепостничество. Однако Радищев еще пятнадцать с лишним лет вынашивал свои убеждения, накапливал подкреплявший их опыт и впечатления (особенно важную роль сыграло здесь восстание Пугачева), прежде чем смог дать им окончательное выражение в основном труде и подвиге своей жизни — «Путешествии из Петербурга в Москву».

Радищев в годы реакции

Обвинительный приговор, брошенный Радищевым Екатерине в определении им сущности самодержавия, должен был прозвучать особенно громко и красноречиво, поскольку перевод из Мабли появился в разгар Пугачевского восстания.

Реакция, наступившая после подавления восстания, тяжело отразилась и на положении литературы. Еще до этого сатирические журналы Новикова один за другим прекратили свое существование «против желания» их издателя.

Фонвизин, осмелившийся послать в 1783 году в журнал «Собеседник любителей российского слова», в котором принимала ближайшее участие сама Екатерина II, сатирические «Вопросы», вышедшие за рамки «улыбательной» сатиры, оказался по существу почти вовсе отлученным от литературы. Весьма вероятно, что соответствующее и достаточно энергичное внушение было сделано в связи с примечанием о «самодержавстве» и Радищеву. Во всяком случае, его дальнейшая литературная деятельность внешне на многие годы совершенно прекратилась. В течение целых шестнадцати лет, вплоть до 1789 года, ни одно из его произведений не появилось в печати.

Реакционные настроения охватили в это время и круги дворянского общества. Крестьянская война под предводительством Пугачева, направленная против всего дворянско-помещичьего класса, провела резкую черту между дворянской идеологией и идеологией демократической, заставив многих недавних дворянских писателей, оппозиционно настроенных по отношению к правительству Екатерины II, качнуться резко вправо. В кругах дворянства получили очень большое распро-

странение антипросветительские идеи и течения, оформлявшиеся в многочисленных масонских организациях. В масонство ушли и многие университетские товарищи Радищева. В полную противоположность масонам Радищев продолжал и в годы реакции неуклонно развивать и углублять свои демократические и революционные взгляды.

Жизнь Радищева словно бы приняла в эту пору ровное и спокойное течение. В 1775 году он женился на горячо любимой им девушке, А. В. Рубановской; в 1777 он снова поступил на службу — в Коммерцколлегию. Либерально настроенный президент Коммерцколлегии граф А. Р. Воронцов быстро оценил глубокие знания, блестящие способности и, главное, неподкупную служебную честность Радищева, столь редкую среди циничного, поголовного казнокрадства и взяточничества, царивших тогда повсюду. Через некоторое время Радищев был поставлен им во главе петербургской таможни. «Следуя обыкновенному ходу вещей,— справедливо замечал Пушкин,— Радищев должен был достигнуть одной из первых ступеней государственных». Но ни личное счастье, ни служебное преуспевание не способны были удовлетворить Радищева. Он не мог закрыть глаз на тягчайшее зрелище страданий и бедствий народа. Когда позднее, во время следствия, Радищева спрашивали, что им было написано кроме «Путешествия из Петербурга в Москву», он ответил: «Родясь с чувствительным сердцем, опыты моего письма обращались всегда на нежные предметы, но все это было с неудачею». Действительно, Радищев писал и лирические любовные стихи. В эти же годы, а возможно, позднее, была написана им чувствительная повесть «Дневник одной недели», произведение глубоко новаторское. Господствовавшее тогда в литературе направление классицизма полностью подчиняло человека, человеческую личность феодально-крепостническому государству. Радищев в «Дневнике одной недели» сосредоточивает внимание на мире внутренних чувств и переживаний человека, отстаивая тем самым права человеческой личности на самостоятельное существование, свободное от оков феодализма.

Тем не менее утверждение Радищева, что он «всегда» писал только о «нежных предметах», было сделано с несомненным намерением сбить с толку своих следователей и допросчиков, отвлечь их внимание от целого ряда своих произведений, исполненных отнюдь не узко личного, «нежного», а большого общественного, революционного содержания, проникнутых ненавистью к самодержавию и крепостничеству. А именно такие произведения он в это время по преимуществу и пишет. Так, в 1780 году он принимается за критико-биографическую статью о Ломоносове — «Слово о Ломоносове» (закончено в 1788 году), которым впоследствии заключит свое «Путешествие из Петербурга в Москву». Статья написана в

форме похвальной речи, но к оценке деятельности Ломоносова Радищев подходит с замечательной разносторонностью и широтой, отмечая не только сильные, но и слабые ее стороны, причем здесь, как и в дальнейшем, основным для Радищева является политический, революционный критерий.

Чрезвычайно высоко оценивая роль и колоссальные исторические заслуги Ломоносова в качестве зачинателя, «вождя» новой, послепетровской литературы, создателя нового стихосложения, художественно оправданного его литературной практикой, и в особенности в качестве борца за национальный русский литературный язык — «насадителя русского слова», Радищев в то же время укоряет его за хвалебный тон его од. Радищев не принимает здесь во внимание, что торжественно-хвалебная ода была для Ломоносова не только обязательной, как для официального академического стихотворца, но в сущности и единственно возможной формой, в которой он мог тогда вести свою просветительную пропаганду во имя утверждения национальной культуры, национальной науки, национальной литературы. «Не завидую тебе,— пишет Радищев,— что, следуя общему обычаю ласкати царям, нередко недостойным не токмо похвалы, стройным гласом воспетой, но ниже гудочного бряцания, ты льстил похвалою в стихах Елисавете». Свое собственное «Слово о Ломоносове» Радищев демонстративно строит прямо в противовес «общему обычаю ласкати царям»: «Пускай другие, раболепствуя власти, превозносят хвалою силу и могущество,— заявляет он в самом начале «Слова». — Мы воспоем песнь заслуге к обществу».

Ода «Вольность»

Еще более прямым и резким вызовом «общему обычаю» является написанная как раз в эту же пору (1781—1783 гг.) ода самого Радищева «Вольность».

По форме «Вольность» следует традиции хвалебно-торжественной оды. Но тем сильнее должно было поразить современников совершенно новое, революционное содержание оды Радищева.

Хвалебная ода «воспевала» монархов. Радищев с первой же строфы восхваляет тираноборцев Брута и Вильгельма Телля, славит грозу царей «вольность» — революцию, «глас» которой должен превратить «тьму рабства» в «свет» и привести в смятение тех, кто сидит «во власти» — на троне.

Ода Радищева представляет собой развернутое, вдохновенно поэтическое изложение тех мыслей, которые были сжато сформулированы им в примечании к переводу Мабли о «самодержавстве». В своей оде он развивает теорию государственной власти, основанной на принципе верховного главенства народа, восторженно прославляет восстания народов против

царей, наконец, пламенно предвещает торжество вольности, торжество освобожденного народа и на своей родине, в России.

Особенно патетически — в ярких наглядных образах — разрабатывает Радищев выдвинутое им в примечании положение о том, что «неправосудие государя» дает право народу судить и карать его как злейшего преступника. Радищев иллюстрирует это историческим примером — судом над английским королем Карлом I и его последующей казнью во время буржуазной английской революции XVII века, давая в своей характеристике Кромвеля замечательный образец широкого всестороннего подхода к оценке исторических деятелей — осуждая его как «злодея» за то, что он захватил в свои руки верховную власть, отнятую у короля, и вместе с тем горячо приветствуя за то, что он «научил... в род и роды, как могут мстить себя народы: ...Карла на суде казнил».

Причем этот исторический пример имеет для Радищева отнюдь не теоретически отвлеченный характер. Автора оды «Вольность» интересует не история, а современность, живая русская конкретная действительность. И не об отношениях царя и народа вообще, а именно о русской царице Екатерине II и об угнетенном ею могучем русском народе, который имеет полное моральное право призвать ее к ответу, страстно и восторженно пишет Радищев в предшествующих строфах своей оды.

Царь, «на громном троне властно севши», вооружившись «железным скипетром», «в народе зрит лишь подлу тварь», которая полностью должна подчиняться его произволу, которая и жить-то имеет право лишь постольку, поскольку он ей это «велит». «И мы,— возмущается Радищев,— внимаем хладнокровно», спокойно относимся к тому, что «крови нашей алчный гад» превращает «в ад» нашу жизнь, стоим на коленях вокруг «надменного престола». Но вечно так не будет продолжаться: «Мститель, трепещи, грядет»,— обращается поэт к царю и вслед за тем рисует вдохновенно-яркую картину всенародного вооруженного восстания («надежда всех вооружит») против «истукана», «сторучного исполина» — царя, которого народ призовет к ответу за все его преступления и предаст жесточайшей казни.

Радищев понимает, что эта столь страстно и горячо нарисованная им картина конца «бед народа» — дело еще очень далекого будущего, что в настоящем для этого еще нет подходящих условий: «не приспе еще година, не совершились судьбы». Но вместе с тем он безусловно знает, что это время настанет, что придет «вожделенная» пора, когда прозревшие народы, восстав, «задавят» «хищного волка» — царя, которого столь долгое время они слепо почитали «своим отцом». Вдохновенным пророчеством об этом «дне, избраннейшем всех

дней» — грядущей народной революции,— и заканчивается радищевская ода.

Гротя в своей оде «земную», царскую власть, Радищев не шадит и власти «небесной», разоблачает реакционную роль религии, союз самодержавия и церкви, которая, пользуясь его поддержкой и действуя «святой лжей», помогает угнетать народ.

Грозная бичующая сатира, направленная против царского самодержавия и крепостничества, «Вольность» Радищева является одновременно страстным и пламенным прославлением, вдохновенным гимном русскому народу — его тяжкому и самоотверженному труду на пользу государства, его творческой мощи. Цари — лишь забывшие свою обязанность, восставшие на народ слуги народные. Единственным подлинным источником силы, богатства и процветания государства является сам народ. Об этом судия-народ грозно напоминает влекомому им на плаху преступнику-царю:

Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанной,
Против меня восстать как смел?..
Покрыв я море кораблями,
Устроил пристань в берегах,
Дабы сокровища торгами
Текли с избытком в городах...

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать;
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться;
Для пользы всех мне можно все;
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

Народ как основная движущая сила истории, как ее главный герой — такая постановка проблемы совершенно перерабатывала традиционные представления нашей литературы XVIII века, согласно которым историю делали цари, полководцы, вельможи. В XIX веке радищевская точка зрения на народ во многом ляжет в основу философии истории пушкинского «Бориса Годунова».

Ода «Вольность» обнаруживает не только исключительную смелость, зрелость и пронизательность политической мысли автора. Под руками Радищева традиционная хвалебная ода ставится на службу революции, становится острым оружием, зажигательной прокламацией, беспощадно клеймящей и царское самодержавие и церковь и призывающей массы к вооруженному восстанию.

Все это делает замечательную оду Радищева не только самым сильным гражданским, но первым и единственным в

нашей поэзии XVIII века подлинно революционным произведением — родоначальницей всей нашей последующей революционной поэзии и непосредственной предшественницей и образцом для одноименной оды Пушкина.

Революционная публицистика Радищева

Ода «Вольность» показывает, до какой зрелости и высоты поднялась в это время революционная мысль Радищева. Недаром Радищев включил ее позднее в сокращенном виде, с сохранением наиболее резких и энергичных в политическом отношении мест, в состав «Путешествия из Петербурга в Москву».

Около этого же времени Радищев пишет небольшую историко-публицистическую заметку, связанную все с тем же вопросом о «самодержавстве» — «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего», посвященную описанию торжественного открытия 7 августа 1782 года фальконетовского памятника Петру I — знаменитого «Медного всадника». Письмо написано по горячим следам, на следующий же день (датировано 8 августа). Открытие памятника является для Радищева поводом высказать свою оценку деятельности Петра. Один из наиболее передовых французских философов XVIII века, Ж.-Ж. Руссо отказывал Петру в праве называться великим историческим деятелем, считая, что русский народ якобы не созрел для того гражданского порядка, который Петр старался внедрить. Радищев решительно оспаривает это несправедливое и оскорбительное для «преславного» «народа российского» мнение совершенно не знающего его «женевского гражданина». Вопреки ему он подчеркивает, что Петр, не в пример многим другим царям, «коих ласкательство великими называет» (вспомним, что «великой» уже при ее жизни называли и Екатерину), является «действительно мужем необыкновенным... название великого заслужившим правильно». Но в то же время Радищев возражает и против традиционной и безоглядной идеализации Петра, сопровождая свое признание его величия весьма характерной оговоркой, существенно ограничивавшей значение его деятельности: Радищев не прощает Петру, облеченному «ужасом беспредельно самодержавных власти», окончательного закабаления крестьянства в результате подушной переписи и некоторых других мероприятий. Недаром Екатерина, заинтересовавшись после прочтения «Путешествия» и «Письмом», неодобрительно подчеркнула в нем ряд мест, а в конце заметила, что, как видно из «Письма», «давно мысль» Радищева «готовилась ко взятому пути». Не удивительно, что и эту свою статью Радищев опубликовать тогда не смог.

Не будучи в состоянии доводить свои мысли до общества посредством печатного слова, Радищев ищет других способов и путей. С этой целью он вступает членом в «Общество друзей словесных наук», образовавшееся в Петербурге в середине 80-х годов. Во главе Общества стоял бывший московский студент Антоновский, масон-мистик, стремившийся сообщить его деятельности реакционно-охранительное, антипросветительское направление. Радищев повел с этим решительную борьбу и добился крупных успехов. Несомненное влияние оказывал Радищев и на некоторые другие общественные группировки, в том числе на кружок известного в то время вольнодумца И. Г. Рахманинова, с которым был ближайшим образом связан будущий величайший русский баснописец, а тогда молодой начинающий писатель И. А. Крылов.

В 1789 году Крылову удается получить разрешение на издание сатирического журнала «Почта духов». Журнал Крылова смог просуществовать всего лишь несколько месяцев. И это не удивительно, поскольку издатель и вместе с тем автор журнала не только смело возобновил в нем лучшие традиции новиковских сатирических журналов, но в некоторых из своих «писем»-статей и прямо приближался к взглядам Радищева. Эта идейно-тематическая близость настолько велика, что долгое время даже считалось, что сам Радищев и является автором этих «писем».

Сотрудником «Почты духов» Радищев, судя по всему, не был. Но в том же году удалось, наконец-то, пробиться к печати и ему самому. Вероятно, сознавая всю непрочность подобной удачи и одновременно стремясь вознаградить себя за долгие годы вынужденного молчания, Радищев развил энергичную литературную деятельность, напечатав в течение меньше полутора лет (1789 г. — май 1790 г.) четыре произведения, написанных на разные темы, но равно исполненных революционного духа и острого политического протеста — книгу «Житие Федора Васильевича Ушакова», статью «Беседа о том, что есть сын Отечества», уже известную нам заметку «Письмо к другу...» и венец всего — «Путешествие из Петербурга в Москву».

Исполненную подлинно революционного патриотизма статью «Беседа о том, что есть сын Отечества» Радищеву удалось напечатать — и это лучшее доказательство того влияния, которое он приобрел в «Обществе друзей словесных наук» — в органе Общества, журнале «Беседующий гражданин» (в декабрьском номере 1789 г.).

«Истинный человек и сын отечества», то есть патриот, — говорит Радищев, — «есть одно и то же». Поэтому отнюдь не все достойны «величественного имени» сына Отечества. В праве называться патриотом Радищев решительно отказывает представителям подавляющего большинства дворянского

общества — всем этим шеголям, вертопрахам, праздным тунеядцам. Тем более отказывает он в этом проливающим «поток слез» и «реки крови» «злодеям человечества», под которыми недвусмысленно имеет в виду не только крупнейших крепостников-помещиков и фаворитов царицы вроде Потемкина, но и саму Екатерину II. Патриотом не может быть и раб. Но это ранящее, как говорит Радищев, всякое «чувствительное сердце» утверждение является для него лишь поводом для того, чтобы страстно и негодуя выступить против крепостничества — потребовать превращения раба в человека.

Решительно возражает Радищев в «Беседе» и тем представителям дворянской идеологии, которые утверждали, что носителями чести могут быть только дворяне. «Всякому врождено чувство истинной Чести», — пишет он. Правда, узы рабства — «тягчайшие оковы презрения и угнетения», искажающие природу человека, ставящие его в положение «ниже скота», приглушают в нем и чувство чести. Но отсюда следует не то, что «сама природа расположила уже род смертных так, что одна, и притом гораздо бóльшая часть оных должна непременно быть в рабском состоянии и, следовательно, не чувствовать, что есть *честь*? а другая в господственном». Отсюда лишь следует, что необходимо как можно скорее снять узы крепостничества. «Не оправдывайте себя здесь, притеснители, злодеи человечества, что сии ужасные узы суть порядок, требующий подчиненности», — гневно замечает Радищев, — но снимите эти узы, и тогда в каждом снова проявится то «любление *чести*, которое посеяно в человеке при начале сотворения его». Здесь с полной силой проступает демократизм революционера Радищева не только по сравнению с дворянскими просветителями типа Сумарокова или с западноевропейским либералом Монтескье, но и с таким радикальным мыслителем, как Руссо, считавшим, что, прежде всего, надо освободить душу крестьян от психологии «рабов» и лишь потом приступать к их постепенному освобождению от крепостной зависимости.

В «Беседе» Радищев дает высокое и благородное определение истинного патриотизма. Для подлинного патриота всякая общественная должность, все виды службы государству, то есть народу — понятия, по Радищеву, равнозначные, — одинаково значительны: «для него нет низкого состояния в служении отечеству», он «всем жертвует для блага оногo», и если уверен в том, что «смерть его принесет крепость и славу отечеству, то не страшится пожертвовать жизнью».

Патриотические ноты и мотивы присущи почти всем передовым явлениям русской литературы XVIII века. С особенной мощью звучат они в поэзии Ломоносова. Но только у Радищева идея патриотизма наполнилась революционным содержанием. Быть истинным сыном Отечества — патриотом значило для него бороться за народную свободу и народные

права, не только героически отстаивая их от внешних врагов, но и вырывая их из хищных когтей императорского двуглавого орла — самодержавия и крепостничества. Выражением именно такого патриотизма и является статья Радищева, пафос которой — требование скорейшего снятия с большей части народа «ужасных уз» крепостнического гнета.

«Житие Ушакова»

На грани революционной публицистики и художественного творчества в более узком и прямом смысле этого слова стоит весьма своеобразное произведение, своего рода автобиографическая повесть Радищева «Житие Федора Васильевича Ушакова», посвященное жизни Радищева и его товарищей с Ушаковым во главе в Лейпциге. В центре этого описания поставлена уже известная нам борьба с Бокумом — происшествие по сути дела не такое уж значительное, из которого Радищев делает, однако, весьма далеко идущие политические и даже прямо революционные выводы. Бокум при всей его мелкости и ничтожности рассматривается Радищевым как одно из наглядных и характерных проявлений екатерининского самовластия вообще. Это был маленький, «частный» тиран и «притеснитель», действия которого были, однако, совершенно сходны с поступками «притеснителей общих». С другой стороны, конфликт между студентами и Бокумом представлялся Радищеву как бы прообразом и даже своего рода программным образцом возможных и законных столкновений между самодержавием — «единоначальством» — и обществом, народом. Замечательно утверждение Радищева в «Житии», прямо перекликающееся с аналогичными высказываниями в «Путешествии из Петербурга в Москву», о том, что в самой тяжести притеснения, непомерности гнета заключены залог и возможность освобождения. «Человек много может сносить неприятностей, удручений и оскорблений. Доказательством сему служат все единоначальства. Глад, жажда, скорбь, темница, узы и самая смерть мало его трогают. Не доводи его токмо до крайности. Но сего-то притеснители частные и общие, по счастью человечества, не разумеют...» Другими словами, невыносимость гнета в конце концов неминуемо должна вызвать отпор против него, повлечь за собой восстание, революцию. И этот-то именно путь и представляется Радищеву самым лучшим, самым «благим» для «страждущего общества». Не реформа, а революция — такова его основная установка. Смелые политические высказывания и заявления, содержащиеся в «Житии», не могли пройти незамеченными для читателей. «Начали кричать: «Какая дерзость, позволительно ли говорить так!» и проч., и проч.», — рассказывает старый университетский товарищ Радищева Кутузов, которому посвящена эта книга. Княгиня Дашкова, познакомившись с «Житием», прямо объ-

явила брату, А. Р. Воронцову, что в книге «его протеже... встречаются... выражения и мысли, опасные по тому времени».

Действительно, автобиографическое повествование под пером Радищева превращается в политический трактат, заключающий в себе программу и проповедь революционного действия. В то же время воспоминанием об успешной борьбе с Бокумом, как и воспоминаниями о вожде своей юности, «учителе в твердости», как называет он Ушакова, Радищев словно бы подбадривает себя на борьбу гораздо более опасную и тяжелую, к которой он в это время уже полностью приготовился: к моменту выхода в свет «Жития Ушакова» «Путешествие из Петербурга в Москву» было почти совершенно закончено. Все это делает «Житие» своеобразным литературным вступлением к «Путешествию».

Лекция вторая

«Путешествие из Петербурга в Москву»

«Путешествие из Петербурга в Москву», вобравшее в себя многое из того, что писалось Радищевым с начала 80-х годов, было в основном завершено им к концу 1788 года.

В июле 1789 года Радищев, после неудачной попытки провести рукопись «Путешествия» через московскую цензуру, получил разрешение на его печатание от петербургского обер-полицеймейстера Рылеева, который, доверившись невинному «географическому» заглавию, подписал рукопись, почти ее не читая. Безуспешно попытавшись напечатать «Путешествие» в московской университетской типографии, Радищев передал его одному из частных московских типографшиков, который, однако, познакоившись с содержанием рукописи, печатать ее, несмотря на цензурное разрешение, также побоялся. Тогда Радищев приобрел в долг печатный станок и организовал типографию у себя на дому (по закону 1783 г. всем желающим было разрешено заводить так называемые «вольные» типографии). В качестве первого опыта Радищев напечатал в своей домашней типографии (в начале 1790 г.) небольшой брошюрой «Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске». Сейчас же по выходе в свет «Письма» Радищев, в самом начале января 1790 года, приступил к набору и печатанию «Путешествия», законченному в мае. Во всем этом помогали ему, с одной стороны, мелкие таможенные служители, с другой — крепостные его отца.

Известие о появлении новой книги, небывалой по смелости и прямоте в постановке самых острых и наболевших вопросов политической жизни страны, быстро разнеслось по Петербургу. Книга сразу же нашла жадных и сочувственных читателей, по свидетельству осведомленных современников, вызвала «вели-

кое любопытство», «вошла в моду». Через некоторое время книга была представлена услужливыми людьми и, очевидно, с соответствующей аттестацией, самой Екатерине II. «Путешествие» было прочитано Екатериной со злобным и настороженным вниманием, по ее собственным словам, «от доски до доски», и все покрыто яростно-негодующими замечаниями, которые и легли в основу последующего следствия и суда над Радищевым.

Пораженная и напуганная неслыханно резким тоном книги, наносившей сокрушительные удары по всему самодержавно-крепостническому строю, царица старалась уверить себя и в особенности других, что глубоко оригинальное, национально-самобытное произведение Радищева не имеет никакого отношения к русской действительности, механически переносит на русскую почву идеи революции, происходившей тогда во Франции. «Тут рассеивание заразы французской, отвращение от начальства», — сразу же с гневом и ужасом заявила она своему секретарю. Учеником французских философов-просветителей усиленно объявляли Радищева и последующие буржуазные ученые.

Радищев критически овладел лучшими традициями мировой просветительной мысли. От «Путешествия из Петербурга в Москву» безусловно веяло дыханием революционной грозы. В то же время «Путешествие» Радищева, законченное, как уже сказано, почти за год до начала французской революции, органически выросло на русской исторической почве, было кровно связано с русской действительностью, развивало, углубляло и подымало на более высокую ступень общественного сознания давние и лучшие традиции русской художественной литературы, русской политической и философской мысли.

«Путешествие» Радищева является единственной для своего времени книгой по широте охвата явлений современной ему русской действительности. Вопросы религии и права, этики и политики, экономики, отношений между сословиями, войны и мира, семейных отношений, положения женщины, воспитания и образования детей, просвещения и культуры (школа, печать, цензура), литературы и языка не только ставятся в его книге, но и получают замечательное разрешение в духе самых радикальных передовых идей того времени, причем в противоположность западноевропейским просветителям все эти идеи принимают у Радищева прямое и непосредственное революционное звучание.

Несомненным литературным прообразом «Путешествия из Петербурга в Москву» послужил Радищеву прекрасно, конечно, известный ему «Отрывок путешествия в***», опубликованный в «Живописце» Новикова и столь резко выделявшийся своей смелостью и антикрепостническим пафосом из всей

остальной литературы. Однако непосредственным поводом к тому, чтобы оформить накопившийся в течение многих лет материал обильных наблюдений и напряженных раздумий над современным русским общественно-политическим строем, всего перевиденного и переслышанного, отдельных, делавшихся в разное время набросков и заготовок в форму именно путешествия, явилось, скорее всего, широко разрекламированное путешествие, предпринятое Екатериной II весной и летом 1787 года на юг России — в Новороссию и Крым.

Путешествие было совершено императрицей, сопровождаемой многочисленной свитой, с необычайной торжественностью, помпой и колоссальными затратами, которые всей своей тяжестью легли на трудовой народ — на крестьянство. Продажными казенными писаками это «высочайшее» путешествие было использовано для опубликования восторженных сообщений о необычайном благоденствии и процветании народов России под «материнским» скипетром Екатерины. Этому нагло и цинично организованному шарлатанству и обману Радищев противопоставляет в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» подлинную, неприкрашенную картину крепостнической действительности.

В предисловии — обращении к другу, которым открывается «Путешествие из Петербурга в Москву», сам Радищев так объясняет причину и цель написания им своей книги: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы... — «Отыми завесу с очей природного чувствования — и блажен буду». Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего... я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благоденствии себе подобных. — Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь». Слова эти определяют не только содержание и революционно-просветительскую направленность, но и философско-теоретическую материалистическую установку книги Радищева. Радищев стремится в своей книге поднять «завесу с очей» — увидеть и показать объективно — «по себе» — существующую «окрест» автора социальную действительность, показать такой, какая она есть, без всяких прикрас, взглянуть «прямо» «на окружающие предметы» — на людей и на их отношения. Все это делает «Путешествие» по своему своему направлению произведением глубоко реалистичным.

Все стороны самодержавно-крепостнического строя ставит революционный патриот Радищев на свой строгий и нелюбимый суд и всему выносит безусловный и суровый приговор.

«Радищев — рабства враг» — так сжато и точно определил позднее пафос радищевской книги Пушкин. И, действительно, тема крепостного рабства — этот вопрос всех вопросов тогдашней русской исторической жизни — стоит в центре всего «Путешествия».

Свое отрицательное отношение к крепостничеству Радищев обосновывает со всех точек зрения. С точки зрения экономической он подчеркивает непроизводительность насильственного, из-под палки, крепостного труда; указывает на юридическую несообразность положения крепостного крестьянина, для которого помещик «есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет». Однако с особенной силой Радищев — по слову М. И. Калининна, зачинатель «новой» «революционной морали», основами которой являются «ненависть к эксплуататорам, любовь к народу, любовь к родине»¹ — клеймит в своей книге чудовищную несправедливость, бесчеловечность крепостничества.

Уже в самом начале своего пути, слушая «заунывную песню» ямщика, путешественник замечает о «скорби душевной», как основной ноте «русских народных песен». Скорбная и унылая песня ямщика является как бы музыкальным введением и ко всему «Путешествию», с самого начала сообщая ему определенное звучание. Картины «зверообразного самовластия, когда человек повелевает человеком», — тяжелой крестьянской неволи начинают разворачиваться с третьей же главы («Любани») и проходят через всю книгу.

«Слабая сторона» дорадищевской сатиры, по справедливым словам Добролюбова, заключалась в том, «что она не хотела видеть коренной дрянности того механизма, который старалась исправить». Радищев первый увидел и понял «коренную дрянность» этого механизма, понял, что исправлять его бессмысленно и бесполезно, что механизм этот следует начисто сломать и отбросить прочь.

Время от времени и на страницах радищевского «Путешествия» мелькают положительные образы добрых дворян: добродетельный дворянин, прививающий своим детям здравые понятия о воспитании и семейных отношениях (в главе «Крестьяцы»), «добросердечный барин», о котором рассказывает рекрут в главе «Городня» и др. Однако их личные хорошие качества неспособны изменить что-либо в существующем положении вещей; в лучшем случае им дано лишь «рыдать над участью своих рабов». Самое добро, которое они делают, неизбежной силой существующего порядка обращается в зло (см. рассказ рекрута в главе «Городня»).

¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании и обучении, стр. 74—75. Изд. АПН РСФСР. 1948.

Екатерина в одном из замечаний на книгу Радищева лицемерно заявляла: «...лутчее судьбы наших крестьян у хорошова помещика нет по всей вселенной». Прямо противоположна этому точка зрения Радищева: «Можно ли назвать блаженным гражданское положение крестьянина в России? Ненасытец кровей один скажет, что он блажен, ибо не имеет понятия о лучшем состоянии».

Для Радищева зло — не исключение, как для его литературных предшественников. Описывая отдельные случаи, изображая частные формы и проявления зла, неправды и насилий, Радищев неизменно связывает их с общим злом самодержавия и крепостничества как их основным и неизбежным источником.

Русские крепостные крестьяне, восставшие против своих угнетателей-помещиков, продолжали верить в «хорошего царя». Французские философы-просветители надеялись, что их идеи могут восторжествовать, в результате деятельности «просвещенного монарха», считая красноречивым подтверждением этого как раз правление Екатерины II, охотно объявлявшей себя их послушной ученицей. Русский демократ и революционер Радищев в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» подымается не только над наивной верой русских крестьян, но и над не менее, в своем роде, наивным рационализмом буржуазных западноевропейских философов. Для автора «Путешествия», — говоря словами его же оды «Вольность», царь — «злодей злодеев всех лютейший, преступник изо всех первейший», главный виновник совершающегося зла. Таково основное утверждение его книги, подготовляющееся с первых же ее страниц и выдвигаемое в ряде последующих мест со все усиливающейся энергией и определенностью.

С особенной силой самодержавие бичуется в знаменитом описании сна путешественника в главе «Спасская полость».

Сон является одним из самых «криминальных» мест «Путешествия» и представляет собой исключительный по яркости, смелости и недвусмысленности изображение памфлет на Екатерину и ее ближайших пособников.

В центральном эпизоде «Сна» — встрече царя с «неизвестной странницей» — «Прямовзорой», «Истиной», снимающей царю бельма с глаз, после чего «все вещи» начинают представляться ему «в естественном виде», — аллегорически выражена основная тема всей книги. В «Сне» беспощадно разоблачается ореол величия, блеска и славы, которым Екатерина стремилась окружить себя в сознании современников. Прямо заявляя, что царь сна прослыл в народе «обманщиком, ханжею и пагубным комедиантом», Радищев бьет по самому уязвимому месту императрицы — несоответствию ее слов и дел, показного блеска, пышного, декоративного фасада империи и удушающих картин крепостного угнетения — «стесненный» порабощенного народа.

Обличение «злых» царей — тиранов было также одной из излюбленных тем нашей литературы XVIII века. Однако при этом «злым» царям всегда противопоставлялись цари добрые, воплощением которых обычно и оказывался царствующий в данное время монарх. Этой традиционной теме Радищев придает в «Путешествии» совсем иное звучание. Нет злых и добрых царей, ибо царская власть сама по себе является безусловным злом, неизбежно развращая тех, кто облечен ею. Эта мысль также неоднократно проводится Радищевым в его книге.

В «Путешествии» Радищев замечательно выполнил поставленную им себе задачу: заглянуть в русскую социальную действительность той поры так прямо и так глубоко, как это не смог сделать ни один из его предшественников и современников.

Мало того, Радищев не только показал во весь рост основное зло своего времени — самодержавие и крепостничество, но и впервые поставил перед русским обществом в качестве главной задачи необходимость беспощадной, — не на жизнь, а на смерть, — борьбы с ним. Тем самым Радищев предрекал основные пути всего дальнейшего русского исторического развития, развития русской общественной мысли, русского освободительного, революционного движения, завершившегося полной победой народа, победой, конечную неизбежность которой Радищев также предвидел и восторженно предвещал в своей книге:

«О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своим, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашу обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. Не мечта сие, но взор пронизает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие».

Только что приведенные слова замечательны и тем, что Радищев смело разрешает здесь проблему отношения народной революции и культуры. Радищев горячо верит в народ, который сумеет выдвинуть из своей среды другую, свою интеллигенцию, создать новую, свою, неизмеримо более высокую культуру.

Во всей нашей прежней художественной литературе почти нет произведения большей революционной силы, чем «Путешествие» Радищева. По своей форме и стилю книга Радищева находится еще у истоков художественного реализма, но по глубине взгляда, «проницающего» действительность, по изумительной для того времени верности в постановке и намечае-

мом разрешении основных задач, стоявших перед русским обществом, перед русским народом, «Путешествие из Петербурга в Москву» является одним из самых социально зорких произведений русской литературы XVIII—XIX веков.

Тема восстания народа, поработанного крестьянства против «зверей алчных, пиявиц ненасытных» — помещиков-крепостников, и «хищного волка» царя, — восстания, которое Радищев страстно ждет, к которому пламенно, грозным голосом пророка и судии — «мстителя», «прорицающего вольность», — призывает, проходит через всю его книгу.

Некоторые страницы «Путешествия» написаны как бы языком революционных прокламаций.

В «Путешествии» Радищев признает право крестьян отвечать ударом на удар, обидой за обиду: «Если я кого ударю, тот и меня ударить может». В дальнейшем Радищев как бы демонстрирует это положение в действительности, показывая не только картины страданий и угнетения поработанного крестьянства, но и рисуя яркую картину крестьянского протеста, крестьянского мятежа, подробно описывая, как крестьяне убили зверя-помещика и трех его сыновей, которые хотели надругаться над невестой одного из крепостных. При этом устами рассказчика, на окончательное решение которому, как председателю уголовной палаты, поступило дело об этих крестьянах, Радищев полностью их оправдывает, считая «невинными убийцами», действовавшими в порядке законной самозащиты, подлинным же виновником происшедшего объявляет самого убитого помещика.

У буржуазных историков русской общественной мысли было стремление всячески сгладить, затушевать революционную направленность книги Радищева, выставив его не более, не менее, как «учеником» самой Екатерины — автора лицемерно-шарлатанского «Наказа». Только что приведенные нами выдержки из «Путешествия», равно как злобно и испуганно-негодующие комментарии к ним Екатерины, лучше всего показывают полную абсурдность подобных толкований.

Говоря о просветителях XVIII века, Энгельс писал: «Великие мыслители XVIII века — как и мыслители всех предыдущих веков — не могли выйти из тех границ, которые им поставила их эпоха»¹. Не мог, естественно, выйти из этих границ, определявшихся русской социально-исторической действительностью своего времени, и Радищев. Это накладывало на некоторые его суждения и высказывания печать неизбежной ограниченности.

Радищев, вслед за Ломоносовым, был одним из самых ранних русских мыслителей-материалистов. Но его материализм не только носил в основном метафизический характер, но и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 358.

не был до конца устойчивым и последовательным. Не вполне последовательны, а подчас и противоречивы и политические взгляды Радищева. Так, полагая надежду «на бунт от мужиков», Радищев в некоторых местах «Путешествия» пытается убедить помещиков, что в их же собственных интересах «уничтожить рабство». «Уговаривает помещиков освободить крестьян, да никто не послушает», — жестко записала в связи с этим Екатерина II. Радищев и сам, как мы видели, сознавал, что освобождения крестьян должно ожидать не от доброй воли «отчинников»-помещиков, а от самой тяжести порабощения. Сознавал — и все же иногда пробовал «уговаривать» владельцев «крепостных душ» и высказывал надежду на возможность уничтожения крепостничества сверху. Важно отметить при этом, что в своем проекте освобождения крестьян от «помещичьей власти» путем законодательного распоряжения Радищев предполагал непременно наделение их землей, превосходя в этом отношении большинство последующих проектов декабристов.

Однако то огромное значение, которое имела книга Радищева в развитии нашей литературы и общественной мысли, связано отнюдь не с попытками автора толкнуть правительство на путь реформ, а с пронизывающей «Путешествие» верой в неизбежность народной революции, грядущего народоправства. Идеальный и эмоциональный центр тяжести книги Радищева — ее мозг и сердце — не в «Проектах в будущем», а в таких «криминальных» и «бунтовских» главах, как «Зайцово», «Медное», «Городня», «Тверь» (с выдержками из оды «Вольность») и др.

Демократизм и революционность мысли Радищева становятся особенно рельефными и очевидными, если сравнить их с западноевропейским просветительством XVIII века. Такой признанный и наиболее влиятельный глава его, как Вольтер, тоже, по его собственным словам, «сочувствовал рабам». Но для него, как и для большинства энциклопедистов, как уже сказано, единственным путем усовершенствования государственного правления представлялся путь «просвещенного абсолютизма». Свою главную задачу как философа-просветителя он видел в том, чтобы быть советником государей.

В связи с установкой Вольтера на просвещенных государей находится и его недоверие к народу, к способности народа самому строить свою жизнь. Одно из основных положений Вольтера — что «люди редко бывают достойны управлять самими собой»; отсюда же и его убеждение в том, что общество всегда неизбежно должно быть разделено «на два класса, один класс богатых, другой бедных», причем для пользы общества крестьяне в своей массе должны принадлежать к беднякам, ибо «нужны люди, у которых бы не было ничего; кроме их рук и доброй воли». И еще: «Мне представляется

весьма важным, чтобы существовали невежественные бедняки... Не чернорабочего надо просвещать, а доброго буржуа, обитателя городов»; «придет, конечно, то время, когда более человеческие законы облегчат тяжелые цепи и на ваших руках», — утешает Вольтер крестьян.

Прямо противоположна точка зрения по всем этим пунктам ненавистника царей и богачей и друга народа, крестьянства — Радищева. Не об облегчении цепей более человеческими законами мечтает он в самых сильных и ярких местах своей книги, а о том, что крестьяне сами разобьют этими цепями головы своих угнетателей. Равным образом решительно оспаривает он положение Ж.-Ж. Руссо о том, что республика годится лишь для небольших стран, в странах же с большой территорией и населением должна быть монархия, то есть на языке Радищева — «насилие».

Идеология даже наиболее передовых представителей западноевропейского просветительства при всем ее теоретическом радикализме носила, как правило, отвлеченно-умозрительный характер. В своих же практических, конкретно-политических программах и требованиях носители этой идеологии оказывались обычно весьма умеренными, а порой и прямо робкими.

В противоположность этому политическая программа Радищева носит безусловно революционный и демократический характер. Восторженно приветствуя революционные движения на Западе, Радищев, понятно, не мог еще видеть их сугубо буржуазной природы, как и ограниченности той государственной формы — республики, основанной на равенстве политических прав, искоренении крепостников-эксплуататоров и свободном труде всех, — которая казалась ему идеальной формой общественного устройства. Тем замечательнее резко отрицательное отношение автора «Путешествия из Петербурга в Москву» к позорным сторонам американской действительности, неотъемлемой принадлежностью которой было жестокое истребление ханжески лицемерными англо-американскими «цивилизаторами» индейцев и угнетение негров: «Заклав индийцев единовременно, злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладнокровное убийство порабощения приобретением невольников куплею. Сии-то несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенагала, отринутые своих домов и семейств, преселенные в неведомые им страны, под тяжким жезлом благоустройства, вздирают обильные нивы Америки, трудов их гнушающейся. И мы страну опустошения, — продолжает Радищев, — назовем блаженною для того, что поля ее не поросли тернием и нивы их обильют произращениями разнообразными. Назовем блаженною страну, где сто гордых граждан

утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова. О, дабы опустети паки обильным сим странам!» — гневно восклицает Радищев, для которого «устройство на счет свободы» — государственный строй, основанный на рабстве и эксплуатации — «столь же противно... как и самые узы».

В этих страстных и негодующих тирадах голос «врага рабства» — русского революционера и демократа звучит особенно сильно и выразительно.

«Рабства враг» в ту эпоху, когда все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом, русский демократ Радищев (мы видим это из только что приведенных его слов об Америке), конечно, оказался бы столь же страстным и столь же непримиримым врагом и лицемерной буржуазной лжедемократии с ее «двумя классами» — бедняков и богачей, с ее «устройством на счет свободы». Здесь Радищев начинает тот путь, по которому пойдут Пушкин и Герцен.

Предстает в своей книге Радищев и страстным борцом за мир между народами. С горячим сочувствием припоминает он знаменитое воспевание Ломоносовым мира — «возлюбленной тишины» — «прелестную картину народного спокойствия и тишины». В ряде мест «Путешествия» Радищев энергично встает против грабительских войн, навязываемых царями народам — «убийства, войною называемого», «где великие насилия именем права войны прикрываются», резко выступает против алчных и хищных «завоевателей» — «ярких вепрей», которые опустошают свои и чужие земли, оставляя за собой «пустыню и мертвое пространство». К этим «злодеям человечества» он обращается с грозным предостережением, и слова замечательного русского демократа XVIII века со всей силой продолжают звучать и в наши дни: «Если приобрел пустыню, то она соделается могилою для твоих сограждан».

В предисловии к переизданию «Путешествия» Герцен писал: «Радищев... *ездит по большой дороге*, он сочувствует страданиям масс, он говорит с ямщиками, дворовыми, с рекрутами...». «Страдания масс», настроения поработанного крестьянства, незадолго до того нашедшие исход в восстании Пугачева, явно и в весьма сильной степени отразились на «Путешествии» Радищева.

Народ, крепостное крестьянство привлекает к себе особенно сочувственное внимание и Радищева-художника. В такой же мере, как книга Радищева богата проблемами, насыщена она и образами русской действительности. В «Путешествии» перед нами проходят представители почти всех «чинов» и состояний и самых различных профессий русского общества того времени: цари, вельможи, придворные, дворяне-помещики (наследственные и вышедшие «из самого низкого состояния»), крупные и мелкие чиновники, купцы, мещане, семинаристы,

монахи, иностранные проходимцы. Но чаще всего и всего любовнее показывает Радищев образы людей из народа, рисует картины жизни и быта крестьянства. В главе «Любани» дается изображение крестьянского труда. В главе «Чудово» раскрывается мужество, вплоть до готовности жертвовать собой, и отзывчивость простых людей — лодочников и солдат, проступающие особенно резко по контрасту с равнодушием, холодным эгоизмом и «жестокосердием» «начальника». В главе «Зайцево» демонстрируются чувства солидарности крестьян, вступающих за своего товарища. В главе «Едрово» дан необыкновенно привлекательный образ крестьянской девушки Анюты — прямое предшествование народных женских образов Некрасова. Противопоставляя молодой, энергичный, полный физического и душевного здоровья облик Анюты, неутомимой в труде, жизнерадостной и веселой в минуты досуга, болезненно изнеженным столичным «боярынькам», Радищев тем самым утверждает народное понимание прекрасного, которое будет положено позднее Чернышевским в основу революционно-демократической эстетики.

С необычайным вниманием и сочувствием присматривается и прислушивается Радищев к проявлениям духовной жизни народа — к народному искусству, народному творчеству.

Народные песни для Радищева — лучший путь и к пониманию национального характера, раскрывающегося в самом «голосе» — мелодии — русских песен. В свою очередь сложившийся под влиянием исторических обстоятельств национальный характер определяет пути дальнейшего исторического развития жизни нации. Наблюдая его проявления, по словам Радищева, можно решить «доселе гадательное в истории российской».

«Путешествие» начинается песней ямщика; заканчивается оно «Словом о Ломоносове». И эта «концовка» не случайна, а является результатом глубоко продуманного Радищевым идейно-художественного построения его книги. Вышедший в полном смысле этого слова «из среды народных», крестьянин Ломоносов был для Радищева живым подтверждением и залогом его чаяний и надежд на будущую народную русскую культуру.

Исключительное внимание Радищева-мыслителя и Радищева-художника к народу — крестьянству — и в особенности самый характер художественного изображения им образов людей из народа были совершенно новым и чрезвычайно значительным явлением в нашей литературе. До Радищева крестьянские персонажи выводились обычно в комическом, а то и в подчеркнуто карикатурном виде. Если же среди подобных крестьян и крестьянок оказывался некий положительный образ, то в развязке обычно выяснялось, что данный персонаж на самом деле «благородного» происхождения. Радищев, на-

оборот, относится к людям из народа не только с великим сочувствием и любовью, но и с большим уважением.

Большинство исследователей до самого недавнего времени рассматривало Радищева в качестве сентименталиста. В последнее время все настойчивее стали говорить о нем, как о критическом реалисте. Каждое из этих определений, отдельно взятое, не охватывает художественного творчества Радищева. В «Дневнике одной недели» Радищев осознанно начал свой творческий путь как один из самых ранних в русской литературе и наиболее решительных представителей сентиментализма, причем сентиментализм автора «Дневника» никак не был связан с идиллическим прикрашиванием действительности, которое станет основным и определяющим в дворянском сентиментализме Карамзина и его школы, а вырос из материалистического философского мирозерцания и носил воинствующий антифеодальный характер утверждения личности на внимание к себе и к своим переживаниям и соответствующего и столь же воинствующего отрицания стилевых норм и канонов классицизма. Это была попытка создания нового, сентиментально-психологического стиля. Однако уход в мир личных чувств и переживаний, даже таких альтруистических, как любовь к друзьям, находился в решительном противоречии с высокой гражданской настроенностью Радищева. Вот почему «Дневник одной недели» оказался единственным литературным опытом этого рода и был похоронен писателем в его рукописях. Мало того, в следующих своих произведениях — и в «Слове о Ломоносове», и в особенности в «Вольности» — Радищев даже возвращается к привычным жанрам (похвальная речь, ода) и к гражданскому стилю классицизма и только сообщает всему этому качественно новую, революционную направленность. Но и классицизм с его стеснением личной творческой инициативы, с игмом раз навсегда установленных «правил» никак не удовлетворял Радищева. Революционный «жар, душу его исполнявший», стремление показать зло самодержавно-крепостнического строя во всей его обнаженности, с максимальными широтой и глубиной, не укладывались в узкие и тесные рамки поэтики классицизма.

Творческие поиски новых литературных путей продолжались. «Путешествие из Петербурга в Москву» является дальнейшим развитием и вместе с тем своего рода итогом этих исканий.

Своей книгой Радищев решительно отходит от поэтики классицизма, но отнюдь не становится и на путь субъективно идеалистического карамзинского сентиментализма. Как и «Дневник одной недели», «Путешествие» открывается сценой расставания с друзьями и горестными в связи с этим переживаниями автора, преследующими его даже во сне (глава «Вы-

езд»). Самый язык этого зачина напоминает стиль «Дневника». Но если тема страдания от разлуки с друзьями составляет все содержание «Дневника», то здесь она обрывается в самом начале. В скорбно-поэтический сон автора вторгается реальная действительность. Грустное сознание покинутости и одиночества разрешается реально-бытовой и к тому же прямо иронической концовкой: «По счастью моему случившаяся на дороге рытвина, в которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила. Кибитка моя остановилась. Приподнял я голову. Вижу: на пустом месте стоит дом в три жилья.— Что такое?— спрашивал я у повозчика моего.— Почтовый двор.— Да где мы? — В Софии,— и между тем выпрягал лошадей». Эта намеренно «прозаическая» концовка придает началу радищевского «Путешествия» почти полемический по отношению к сентиментальным путешествиям, если не прямо пародийный характер. От сентиментального сна автор пробуждается к реальной жизни. С этого момента в центре его внимания — не описание своих душевных переживаний, а изображение того, что он видит и слышит, с чем сталкивается на своем пути. «Путешествие» становится галереей жутких, зловещих картин всеобщего произвола, гнета, насилия.

Но субъективный, личный момент не исчезает из произведения Радищева. При обрисовке этих картин мы все время видим то заливающегося слезами сострадания, а еще чаще — гневного, возмущенного, негодующего автора. Но это эмоциональное отношение автора к явлениям жизни не снижает объективности изображения, а лишь способствует пропагандистской направленности книги, заражает читателей теми же чувствами негодования, гнева и возмущения, которые кипят в душе автора. В отличие от произведений сентименталистов типа Карамзина, «Путешествие» является не описанием сугубо личных переживаний, а, наоборот, произведением социальным и по предмету своего изображения, и по своей целеустановке.

Исключительно яркая эмоциональная окраска «Путешествия» из Петербурга в Москву» делает это произведение по своей стилевой манере, несомненно, характерным для эпохи сентиментализма. Но не говоря уже о том, что «сентиментальность» «Путешествия», то есть чрезвычайно видное место, которое отводится в нем авторским чувствам и переживаниям, носит совсем особый — революционный — характер, самым важным и значительным является то, что под покровами этой «сентиментальности» восходят ростки нового творческого метода — метода критического реализма. Автор, как уже указывалось, с самого начала ставит перед собой определенное и в существе своем чисто реалистическое задание не только представить «все вещи» «в естественном их виде» — осмыслить и показать действительность такую, как она есть, без всяких прикрас, но и со всей силой праведного гнева и него-

дования произнести над ней свой приговор — обличить господствующее зло самодержавно-крепостнического строя.

Радищев стремится строить свое повествование, как правило, на строго фактическом материале. По его словам, значительная часть рассказываемых в «Путешествии» эпизодов не придумана, а взята им прямо из жизни. Но Радищев не просто пересказывает отдельные житейские факты. Под его пером частные, единичные случаи зачастую приобретают общий, типический характер. Например, в связи с описанием им хозяйственной «деятельности» одного помещика, который путем полного разорения своих крепостных крестьян добился у окрестных дворян репутации «знаменитого земледельца» (в главе «Вышний Волочок»), Пушкин припоминает совершенно аналогичный случай с лично знакомым ему помещиком-«тираном». То же самое имеем и в изображении Радищевым различных представителей русской действительности. Свои «силуеты», говоря его собственными словами, он рисует прямо с натуры; вместе с тем в ряде случаев Радищеву удается сообщить им несомненно типический характер. Таково знаменитое описание представителя новоявленной российской буржуазии, соединявшей в себе старую купеческую патриархальность с мертвой хваткой дельцов нового типа, купца Карпа Дементьевича и его семьи (в главе «Новгород»). В этом описании уже намечаются черты будущих купцов и их «благоверных», с которыми мы столкнемся позднее в пьесах Островского.

С большой силой сказываются реалистические стремления Радищева и в передаче им речи своих персонажей — так называемых речевых характеристиках. В политическую программу Радищева органически входила и борьба за национальный литературный и научный язык. В главе «Подберезье» Радищев сочувственно рассказывает о встрече с новгородским семинаристом, который ратовал за то, чтобы преподавание в высшей школе велось не на латинском языке, как это было тогда принято, а на «языке общественном, языке российского». «Учение всем бы было внятнее; просвещение доходило бы до всех поспешнее», — замечает по этому поводу семинарист. Естественно, что наиболее «внятными», доступными всем Радищев стремился сделать и свое «Путешествие» — книгу, которой он заведомо преследовал не только просветительные, но и пропагандистские, агитационные цели.

Наивысшим образцом национально-русского литературного языка Радищеву казался язык Ломоносова: «Слово твое, живущее присно и во веки в творениях твоих, слово российского племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит во устах народных за необозримый горизонт столетий» («Слово о Ломоносове»). Ломоносов, действительно, стремился оформить русский литературный язык на общенациональной основе и, по словам самого Радищева, «надежнейшие любящим россий-

ское слово оставил примеры в своих творениях». Весьма пригодным был для целей Радищева язык ломоносовской прозы и по своей приподнятой ораторской установке. В торжественно-приподнятом ломоносовском стиле, достигающем порой исключительной силы и выразительности, написан ряд страниц «Путешествия».

Но этот приподнятый стиль был только одним из слагаемых языка «Путешествия». Среди тех чувств, «жар» которых исполнял «душу» Ломоносова, выразившись в «обильном веле-речии похвальных слов», Радищев не находил самого для себя важного и близкого — «чувствительности», которую — преимущественно в формах сочувствия страданиям человечества — была исполнена его собственная душа, «чувствительности», которая составляла его огорчение и усладу: «О чувствительность, о сладкое и колющее души свойство! тобою я блажен, тобою стражду!» («О человеке, о его смертности и бессмертии»). Это отсутствие «чувствительности» сказалось, естественно, и в «слоге» Ломоносова. Рассматривая последний как обязательную для себя языковую основу, Радищев стремился восполнить этот недостаток, но не смог до конца разрешить поставленную им себе задачу. Ряд страниц «Путешествия» написан в манере автора «Вольности», ряд других его страниц написан в «чувствительной» манере автора «Дневника одной недели», причем обе эти стилевые манеры не приведены к некоему единству, а существуют самостоятельно, друг подле друга. Это сообщает авторской речи Радищева не только стилевую пестроту, но и некоторую неслаженность. Вообще авторская речь, то чрезвычайно славянизированная и архаически-усложненная, то исполненная экзальтированной «чувствительности», затрудняла восприятие радищевского «Путешествия» широкими читательскими кругами. Это с горечью ощущал и сам автор, отзываясь о своей книге, что «писана она слогом для простого народа невнятным». Но исключительная сила жизненной правды книги Радищева, могучий реализм ее содержания покрывают с лихвой недочеты ее стилевой манеры. И прав Плеханов, что, «приступая к чтению «Путешествия», сильно чувствуешь... два его недостатка («плохой язык» и «избыток чувствительности»). Но по мере того, как вчитываешься в эту книгу, впечатление, производимое недостатками, ослабевает, а впечатление, получаемое от ее содержания, наоборот, все более и более усиливается».

Мало того, значительная часть «Путешествия» излагается в форме не авторского повествования, а рассказов о себе самых разнообразных лиц, встречающихся путешественнику в его пути, разговоров с ними, разговоров их между собой, передаваемых подчас прямо в форме диалога и т. д. И это сознательный прием, продиктованный все тем же стремлением как можно точнее и правдивее передать объективную действи-

тельность, причем Радищев добивается здесь весьма значительных успехов. Каждый из рассказчиков или собеседников говорит своей особой, точно индивидуализированной речью, соответствующей его социальному положению, профессии. В этих местах книги Радищева пестрая, разнообразная, многоликая социальная действительность, мелькающая перед путешественником и составляющая главный предмет его внимания, интереса, сострадающего сочувствия, словно бы сама говорит всеми своими голосами. Пушкин в своей статье «Александр Радищев», видимо, стараясь внушить властям мысль о политической безопасности книги Радищева, утверждал, что вся она написана одним сентиментально-патетическим слогом главы «Клин» (рассказ о встрече путешественника со слепым певцом стиха об Алексее, божьем человеке), но в своих «Повестях Белкина» сам он пошел именно по этому пути, впервые открытому в нашей повествовательной прозе Радищевым.

Расправа над Радищевым

Появление радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» произвело на Екатерину II впечатление громового удара. На книге не было выставлено имени ее автора. Разъяренной императрице удалось быстро установить его. По ее приказу Радищев был схвачен и брошен в казематы Петропавловской крепости. Вести следствие императрица поручила одному из самых страшных мастеров сыскных дел — «кнутабойце» Шешковскому. Через руки этого «домашнего палача» Екатерины, как метко окрестил его Пушкин, прошел за пятнадцать лет до того Пугачев. Есть сведения, что Шешковский не применил по отношению к Радищеву обычных пыток лишь потому, что был щедро одарен продавшей для этого все свои драгоценности свояченицей Радищева и его будущей женой Е. В. Рубановской, которая, несколько позже, предваряя подвиг жен декабристов, поехала к нему в ссылку, в Сибирь, где и умерла.

В своих допросах Шешковский точно следовал «замечаниям» на «Путешествие», сделанным Екатериной. В последнем из них, подводившем итог всем впечатлениям от прочитанного, она писала на ломаном русском языке об авторе книги: «...вероподобие оказывается, что он себя оприделил быть начальником, книгою ли или инако исторгнуть скиптра из рук царей, но как сие исполнит един не мог, показывается уже следы, что несколько сообщников имел; то надлежит ево допросит как о сем, так и о подлинном намерении, и сказать ему, чтоб он написал сам, как он говорит, что правда любит, как дело было; ежели же не напишет правду, тогда принудить мне сыскать доказательство и дело его зделается дурнее прежнаго».

В соответствии с этим одной из самых основных задач Шешковского и было выяснить столь волновавший Екатерину вопрос, не имел ли Радищев кого сообщником «к произведению намерений, в сей книге изображенных». Радищев категорически отрицал это обвинение и принял всю вину только на одного себя. Многие буржуазные исследователи распространяли утверждение о совершенной беспочвенности радищевского выступления, якобы ни в какой мере не связанного с условиями русской действительности, с русской общественной средой, а порожденного исключительно запасом радикальных идей, которые были вынесены за годы пребывания в Лейпциге из работ философов-просветителей вроде Гельвеция и Мабли, из сочинений Руссо, позднее Рейналя и т. п. Они опирались при этом на следственные показания самого Радищева. Однако они не хотели видеть и понять, что в устах заточенного в крепость Радищева, принудительно исповедовавшегося своему страшному «духовнику» (как звали Шешковского современники), усиленное подчеркивание чисто литературного происхождения и природы своего выступления (подражание западным философам и писателям) было лишь наиболее надежным защитным средством и к «облегчению его жребия» и к тому, чтобы ограничить следствие им одним, прекратить дальнейшие розыски «сообщников».

Радищев был довольно плотно окружен сочувственной общественной средой.

В русской научной, научно-публицистической и художественной литературе того времени, как уже было сказано, также, несомненно, имелись элементы демократической идеологии. Всем этим безусловно опровергается представление о совершенном идейном одиночестве Радищева. Но выступление Радищева было предпринято им больше чем за двадцать пять лет до возникновения у нас первых революционных декабристских организаций, в порядке личного подвига, за свой собственный страх и риск. Этим психологически объясняется и поведение Радищева во время следствия и конечный трагический исход его жизни. Самодержавие обрушилось на него всей своей тяжестью: толщей крепостных стен, недвусмысленными угрозами Екатерины, зловещей фигурой кнутабойцы и палача Шешковского, готового пустить в ход все испытанные средства воздействия. Вместе с тем Радищеву дали понять, что единственным способом хоть сколько-нибудь облегчить свою участь является безоговорочное признание вины и полное раскаяние в ней. Некоторые новейшие исследователи склонны рисовать в преувеличенно-героических чертах и поведение Радищева в крепости. Но подвиг его так велик сам по себе, что не нуждается в прикрашивании. Нет нужды рисовать Радищева каким-то сверхчеловеком, рыцарем без страха и упрека, не знающим ни упадка духа, ни «смятения чувств» — малейшей чело-

веческой слабости. Одним из любимых исторических деятелей Радищева, имя которого он неоднократно упоминает в своих сочинениях, был Галилей. Позднее, в ссылке, Радищев прямо приравнивал свое положение к его судьбе. «Нужны обстоятельства, нужно их поборствие, а без того Иоган Гус издыхает в пламени, Галилей влечется в темницу, друг ваш в Илимск заточается». Галилей не только был заточен в темницу, но, как известно, был вынужден отречься от учения Коперника о движении земли вокруг солнца, в истинности которого он был абсолютно убежден. При отсутствии «поборствующих», помогающих сил и обстоятельств пошел путем отречения от своей книги и Радищев. Однако это самоотречение Радищева, сделанное им в его следственных показаниях, было целиком вынужденным. О Галилее рассказывают, что после своего отречения он снова произнес: «А все-таки она вертится». Примерно так же поступил и Радищев.

В крепости, лишенный книг, кроме «священных», он начал писать окрашенную в автобиографические тона повесть в форме переложения жития Филарета Милостивого. Повесть носила характер как бы духовного завещания Радищева детям, облеченного в форму художественных образов. «Достоин быть причтенным к лику праведных» тот человек, кто, «забывая даже свое благосостояние, старается ежечасно облегчить действия себе подобных»,— такова основная мысль повести Радищева. Но ведь именно «стремлением облегчить бедствия себе подобных» движим был сам Радищев, когда писал и печатал свое «Путешествие». Признавая в угоду своим тюремщикам и палачам создание «Путешествия» «преступлением», Радищев в писавшейся им почти одновременно с «повинными» повести о Филарете Милостивом говорит о том же самом, как о подвиге, подражать которому призывает своих детей. Неизвестно, понял ли это Шешковский, которому Радищев послал листы начатой повести, спрашивая, может ли он продолжать ее и будет ли она передана по назначению — доставлена детям,— но повесть Радищев обратно не получил: она была приобщена к его делу и так и осталась незавершенной.

Через две недели после начала следствия Екатерина передала дело о Радищеве суду. Внешне императрица старалась соблюсти позу полного беспристрастия и невмешательства. Передавая смертный приговор Радищеву, вынесенный судебной палатой и утвержденный Сенатом, на рассмотрение Государственного совета, она велела объявить от ее имени, что «презирает все, что в зловредной его, Радищева, книге оскорбительного особе ее величества сказано». Но именно оценка Екатериной книги Радищева, столь отчетливо выраженная в ее «примечаниях» и отзывах, целиком предопределяла вынесенный приговор. Указывая, что Радищев не только превозно-

сит в своей книге одного из деятелей французской революции конца XVIII века, Мирабо, «который не единой, но многие висельницы достоин», но что и сам он «бунтовщик, хуже Пугачева», Екатерина прямо предreshала его судьбу. Пугачев был казнен. К смертной казни через отсечение головы приговорен был и Радищев.

Екатерина и здесь стала в позу милосердия: смертный приговор был заменен ссылкой на десять лет в Сибирь. Местопребыванием Радищеву был назначен один из самых глухих углов тогдашней Сибири: Илимский острог — небольшое поселение, меньше чем с 300 жителей, отстоящее почти на 7 тысяч верст от Петербурга (около тысячи верст от Иркутска). Путь туда длился год и четыре месяца (выехал из Петербурга 9 сентября 1790 года, прибыл в Илимск 4 января 1792 года). Полубольной, закованный в кандалы, лишенный самых необходимых вещей для такого долгого и сурового пути, Радищев едва ли бы его перенес, если бы не энергичное вмешательство А. Р. Воронцова, который добился от Екатерины посылки вслед за Радищевым специального курьера с приказом расковать его и снабдить всем необходимым. Ко всем губернаторам, через губернии которых должен был проезжать Радищев, Воронцов обратился с просьбой оказывать ему всяческое содействие, прибавляя, что он «поставляет оказанные ему услуги в личное себе одолжение». В течение всей ссылки Радищева Воронцов поддерживал с ним переписку, высылал ему книги.

Радищев в Сибири

Вырвавшись из крепостных стен, Радищев снова гордо выпрямился. Об этом лучше всего свидетельствует небольшое стихотворение, написанное им во время проезда через Тобольск. Стихотворение это исполнено замечательного чувства личного достоинства и сознания большого исторического значения своего дела:

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? —
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

Вернулись к Радищеву и столь свойственные ему пытливость, пристальное и углубленное внимание к окружающему, исключительное разнообразие и широта интересов. В путевые записи, которые он вскоре начал вести, он заносит данные по истории, экономике, культуре, быту тех мест, через которые проезжает; отмечает он и тяжкое положение местных крестьян. В Тобольске, где Радищев задержался больше чем на полгода, наряду с наблюдениями над природой, собиранием в

окрестностях города образцов полезных ископаемых он изучает историю Сибири, в частности Тобольского края, на основании чего составляет специальное «Описание Тобольского наместничества». «Что за богатый край эта Сибирь, что за мощный край! Потребны еще века, но когда она будет заселена, она предназначена играть большую роль в анналах мира», — пишет он Воронцову, прибавляя, что, если бы мог, то, продолжая замыслы Ломоносова, охотно взялся бы за поиски морского пути в Европу через льды Северного океана.

Исключительно деятельной, можно сказать, ломоносовской, жизнью зажил Радищев и в Илимске. У себя в доме он устраивает химическую лабораторию; проводит с помощью зрительной трубы, компаса и других приборов, присланных ему Воронцовым, ряд естественно-научных наблюдений в поселке и в его окрестностях; совершает минералогические экскурсии по реке Илим, посещает окрестные месторождения и разработки металлов, которые исследует в устроенной им в своей домашней лаборатории плавильной печи. Он разводит у себя большой огород, удачно выращивая целый ряд овощей, которые, считалось, не могли произрастать в тамошнем, весьма суровом климате. В краю не было никакой врачебной помощи. Радищев, еще в молодости интересовавшийся медициной и изучавший ее, становится, по его собственным словам, «местным врачом и хирургом», производит тогда еще совершенно новые прививки от оспы, смело ставя вопрос о возможности прививок и против других болезней. Радищев устраивает у себя своего рода домашнюю школу, в которой вместе со своими младшими детьми (их привезла с собой Е. В. Рубановская) обучает детей местных жителей. Повторяя то, о чем он уже заявил в своем стихотворном ответе в Тобольске, Радищев имел полное право с замечательным чувством собственного достоинства писать из Илимска: «...глас мой не пременился... выя не стерта и носится гордо».

Почти сразу же взялся Радищев и за перо. Меньше чем через две недели по приезде в Илимск он начал работать над большим философским трактатом «О человеке, о его смертности и бессмертии». Замечательный трактат Радищева дает развернутое изложение материалистического мирозерцания и взглядов, представляющих собой теоретическую основу политических воззрений и убеждений автора оды «Вольность» и «Путешествия из Петербурга в Москву». Основные вопросы бытия и теории познания Радищев решает, исходя из материалистических позиций. Он твердо выдвигает положение о материальности всего существующего.

Радищев подчеркивает первичность материи и вторичность сознания: «...бытие вещей независимо от силы познания о них и существует по себе». Признавая вечность материи: «природа... ничего не уничтожает, и небытие или уничтожение

есть напрасное слово и мысль пустая», он отрицает существование души и ее бессмертие. Правда, в этом вопросе как раз и сказывается непоследовательность Радищева, желавшего бы в последних частях своего трактата принять «сердцем» то, что его разум категорически отрицает. Есть в высказываниях Радищева и следы деизма. Но в целом и основном трактат Радищева — замечательное произведение русской материалистической мысли в области философии, в известной степени, не менее боевое, чем «Путешествие из Петербурга в Москву» в области политики.

Наряду с философским трактатом Радищев пишет там же в Илимске «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» и по просьбе Воронцова экономический трактат «Письмо о Китайском торге».

В первой работе замечательно попутное рассуждение о русском «народном характере». Стремясь клеветнически перетолковать русский национальный характер в направлении, отвечавшем ее желаниям и политическим видам, Екатерина на обращенный к ней вопрос автора «Недоросля» Фонвизина «В чем состоит наш национальный характер?» демонстративно заявила, что одной из основных национальных черт русского народа является «образцовое послушание». Совсем по-иному определяет русский народный характер горячо любящий свой народ, гордящийся его большой и славной исторической судьбой, революционный патриот Радищев. «Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ Российский... О, народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что сделать может блаженство общественное!». Яркое проявление русского народного характера Радищев видит в «вожде непокоренных воинов» — Ермаке и его товарищах.

Последние годы жизни

В Илимске Радищев пробыл до начала 1797 года, то есть пять лет и один месяц. После смерти Екатерины II ее наследник Павел I, ненавидевший мать и отменявший все ее распоряжения, разрешил Радищеву, сократив срок его наказания на четыре года, вернуться в Россию. По существу это было новой ссылкой. Радищев вынужден был поселиться без права выезда, под строгим надзором полиции, в небольшом калужском именнице, селе Немцове, выделенном ему отцом в собственность. Через некоторое время Радищеву удалось добиться разрешения побывать у родителей, и в начале 1798 года он отправился с детьми в село Верхнее Аблязово, где и пробыл весь год.

Под влиянием своих наблюдений над сельским хозяйством в Аблязове и Немцове Радищев принялся за писание специ-

альной работы «Описание моего владения», посвященной в основном вопросам крестьянской экономики. Работа эта не только не докончена, но и вообще дает черновой, во многом недоделанный текст, но направление ее не вызывает сомнений. Основной задачей работы Радищева было, очевидно, доказать государственную необходимость дарования крестьянину права собственности, которого он лишен при крепостничестве, когда помещик является полным господином «его имения и детей его, дает и отъемлет по своей воле», причем дарование этого права рассматривается автором как первый шаг по пути освобождения крестьян вообще. Таким образом, и по возвращении из Сибири, Радищев снова, хотя и в иной форме — не в художественном произведении, а в сельскохозяйственном агрономическом трактате,— ставит ту же цель, которая с такой энергией была выдвинута им в «Путешествии».

Много пишет Радищев в это время и произведений в стихах. Огромное общественно-политическое значение радищевской прозы, и, конечно, в особенности «Путешествия из Петербурга в Москву» естественно отодвинуло на второй план стихотворные произведения Радищева за исключением его оды «Вольность». Между тем уже Пушкин энергично подчеркивал роль Радищева и в истории русской поэзии.

Во всей своей литературно-общественной деятельности Радищев смело шел непроторенными путями. Дух новаторства был присущ ему и как поэту. В противовес искусственно-книжным героическим поэмам классицизма, которые писались в то время, Радищев стремился к созданию монументального стихотворного произведения, народного и по содержанию и по самой форме стиха. Первым опытом Радищева в этом роде была весьма обширная «повесть богатырская стихами» «Бова», написанная им вскоре после возвращения из ссылки. Стихотворная «повесть» о Бове должна была состоять из целых двенадцати песен; из них, по свидетельству редактора посмертного издания сочинений Радищева, одиннадцать были уже написаны, двенадцатая начата, но сохранились только вступление, первая песнь и прозаический «план». В основу повести Радищев положил знаменитую переводную повесть о Бове, которая приобрела у нас в XVIII веке характер русской народной сказки, чрезвычайно презрительно расценивавшейся представителями литературы правящих классов, но пользовавшейся исключительной популярностью в народной среде: жила в устах крепостных нянюшек, мамушек, дядек, неоднократно печаталась в «лубочных» изданиях. От своего «старинного дядьки» эту сказку «древних лет» слышал и сам Радищев. Желая наиболее приблизить свою повесть-сказку к народному стихосложению, Радищев пишет ее совсем особым, специально созданным им стихотворным размером — четырехстопным белым хореем.

Еще одним опытом создания большого стихотворного произведения на национальном материале явилась другая незаконченная поэма Радищева — «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам» (1800—1802 гг.). До нас дошли из нее только прозаическое введение и первая песнь певца Всегласа, состоящая больше чем из 600 стихов (всего, очевидно, должно было быть десять песен). Замысел Радищева воссоздать национальный древнеславянский эпос был порожден его глубокой патриотической настроенностью. Замечательно, что непосредственным толчком к «Песням» Радищева, повидимому, послужило незадолго до того найденное и только что опубликованное «Слово о полку Игореве». Одним из первых среди русских писателей Радищев достойно оценил колоссальное значение и ценность «Слова» и поэтически откликнулся на него. Всеглас содержанием своей песни взял героическую борьбу древних славян-новгородцев против иноземных захватчиков. Песня дышит могучим патриотическим пафосом, ненавистью к врагам родины, меч которых «не шадил Славянской крови», от которого «младенцы, жены, старцы погибали беззащитны». Заканчивается она замечательным «пророчеством» о великом будущем, ожидающем русский народ:

О, народ, народ преславный!
Твои поздные потомки
Превзойдут тебя во славе
Своим мужеством изящным,
Мужеством богоподобным,
Удивленье всей вселенной;
Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
Победят — природу даже,—
И пред их могущим взором,
Пред лицом их озаренным
Славою побед огромных
Ниц падут цари и царства...

Последним большим замыслом Радищева, относящимся к периоду, непосредственно предшествовавшему его смерти, является обширная и, видимо, также не законченная «Песнь историческая», написанная размером «Бовы». То же стремление к преобразованию традиционных форм русской поэзии сказывается и в дошедших до нас мелких стихотворениях Радищева.

Пушкин, признававший, как уже сказано, важное значение поэзии Радищева в общем ходе и развитии нашей литературы, особенно остро ощущал новаторскую роль его стихотворных опытов и исканий: «Радищев, будучи нововводителем в душе, силился переменить и русское стихосложение». Осуществить свои смелые замыслы Радищеву не удалось. Все крупные стихотворные произведения, над которыми он работал в последние годы жизни, или в большей своей части были утрачены,

как «Бова», или не были завершены автором. Не слишком удовлетворяют они и в художественном отношении. Все это скорее опыты, чем осуществления. Но в самих этих опытах, действительно, ощутим все тот же мятежный новаторский дух «нововводителя» и революционера, который так знаком нам по оде «Вольность» и по «Путешествию из Петербурга в Москву».

После нового дворцового переворота 11 марта 1801 года — убийства Павла и восшествия на престол Александра I — Радищев был окончательно амнистирован и даже, по настоянию его давнего благодетеля Воронцова, сделавшегося одним из наиболее влиятельных сановников первых лет нового царствования, привлечен к работам специально созданной комиссии по составлению законов.

Изнемогавший в вынужденном бездействии последнего десятилетия, Радищев жадно рванулся к открывавшейся ему возможности работы, как ему представлялось, важнейшего государственного значения. Большие знания в области права, приобретенные им в молодости, развившиеся и окрепшие в горниле мысли, создавшей «Путешествие из Петербурга в Москву», казалось, наконец-то были оценены и нашли себе применение. Стоит отметить, что еще в 80-е годы параллельно с работой над «Путешествием» Радищев работал и над специальным трактатом по государственному праву «Опыт о законодательстве». Неудивительно, что Радищев готов был на короткое время поверить в реальность и прочность либеральной «весны». «Мрачные тени создади, впереди их солнце», — писал Радищев в стихотворении «Осмнадцатое столетие», относящемся как раз к этому времени, к 1801 году.

За работу в комиссии Радищев принялся с исключительной горячностью. Им был написан ряд «мнений», составлена записка «О законоположении» и подготовлен обширный проект гражданского уложения. Принимал он непосредственное участие и в законодательных начинаниях А. Р. Воронцова. В своих проектах Радищев, оставаясь на почве возможной и осуществимой практической деятельности, не мог, понятно, ставить вопрос о преобразовании России с той широтой и глубиной, с какой он ставил его в своем «Путешествии». В них он не только не мог требовать уничтожения монархии, но даже настаивать на немедленном освобождении крестьян. Речь шла в них в основном о конституционных преобразованиях, намерение осуществить которые неоднократно заявлялось самим Александром I. Но и эти достаточно умеренные проекты Радищева показали по тому времени нестерпимо радикальными.

Пушкин передает, со слов современников, характерную реплику по адресу Радищева его непосредственного начальника в комиссии графа Завадовского, удивленного «моло-

достью его седин»: «Эх, Александр Николаевич, охота тебе пустословить попржежнему! Или мало тебе было Сибири?» Один из сыновей Радищева также рассказывает, что незадолго перед смертью Радищев обратился к детям со словами: «Ну, что вы скажете, детушки, если меня опять сошлют в Сибирь?».

Весьма скоро Радищев разгадал и подлинную сущность нового царя, в либеральные жесты которого он было поверил на короткий срок. Как раз около этого времени Радищев работал над своей «Песнью исторической», представлявшей смелую попытку дать в стихах критический обзор всей мировой истории. В «Песне» он останавливался главным образом на царях-тиранах — «ненасытцах крови». Особенно интересны строки, связанные с убийством одного из знаменитейших тиранов древности, древнеримского императора Тиверия, и с воцарением Калигулы. Основная мысль Радищева здесь та, что при самодержавном строе даже убийство тирана не способно ничего изменить в положении народа:

Вождь падет, лицо сменится,
Но ярем, ярем пребудет.
И, как будто бы в насмешку
Роду смертных, тиран новой
Будет благ и будет кроток;
Но надолго ль — на мгновенье;
А потом он, усугубя
Ярость лютости и злобы,
Он изрыгнет ад всем в души.

Аналогия с недавними событиями — убийством тирана Павла I и воцарением «кроткого» и сладкоречивого Александра I — слишком уж близка, чтобы быть случайной. Радищев замечательно проник здесь в истинную природу той игры некоторых российских монархов в либерализм, о которой, имея прежде всего в виду как раз Екатерину II и Александра, пишет В. И. Ленин: «...монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподанных Аракчеевых...»¹.

И не страх перед новой ссылкой в Сибирь, а именно глубокое разочарование в надеждах на нового царя, разочарование в возможности осуществления хотя бы даже той минимальной программы преобразований, с которой Радищев выступил в своих законодательных проектах, было основной причиной, вызвавшей роковой исход. В ночь на 12 (24) сентября 1802 года его не стало. Радищев принял смертельную дозу яда.

Политический, мятежно-протестующий характер самоубийства Радищева нагляднее всего виден из одной его записи, сделанной незадолго перед смертью: «Потомство за меня отмстит». Имя Радищева как самоубийцы было проклято с цер-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 28.

ковного амвона. Самая его могила на Волковом кладбище в Петербурге оказалась затеряна. Но потомство сурово и по заступам отомстило палачам Радищевых.

Значение Радищева

Несмотря на все усилия царского правительства не только скрыть от общества революционные произведения Радищева, но и вообще изгладить самую память об их авторе, значение его в истории развития русской общественной мысли и русского революционного движения было очень велико. Не менее важно было оно и для развития русской литературы.

Книга безмерной скорби и гнева и вместе с тем книга великой веры в русский народ — «Путешествие» Радищева оказалось как бы героическим прологом ко всему дальнейшему развитию русской литературы. Отныне это развитие стало неотделимо от развития русского освободительного движения.

Еще при жизни Радищева вокруг него сгруппировался кружок молодых поэтов во главе с И. П. Пниним, объединившихся в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств». «Поэты-радищевцы», как их теперь называют, подхватили идеи своего учителя и продолжали разрабатывать их в своем творчестве, значительно ослабив, правда, революционную силу радищевского протеста. Явно по следам радищевского «Путешествия» написан ряд глав книги неизвестного автора «Путешествие критики» (М. 1818). С палитры Радищева брал краски для многих мест своего «Горя от ума» Грибоедов. Еще значительнее во всех отношениях было несомненное и многообразное воздействие Радищева на автора «Вольности», «Деревни», «Бориса Годунова» и «Медного всадника» — Пушкина. В годы своей южной ссылки Пушкин упрекал декабриста Александра Бестужева за то, что он в своем обзоре прошлого русской литературы не упомянул Радищева. «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?..» О самом Пушкине мы можем сказать с полной уверенностью, что он не только никогда не забывал Радищева, но и делал все возможное, чтобы сохранить память о нем в потомстве. Недаром в одном из наиболее острых в политическом отношении вариантов своих знаменитых, написанных совсем незадолго перед смертью, стихов о памятнике он прямо подчеркивает преемственную связь своей поэзии с творческим наследием Радищева:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу...

Идеи Радищева во многом оплодотворили творчество Лермонтова. Особенно перекликаются с творчеством Радищева его юношеские драмы — и неоконченный роман из эпохи пуга-

чевского восстания «Вадим». С большой силой ощущение связи с Радищевым выражено наследником декабристов — Герценом: «Что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в «Думах» Рылеева, и в собственном нашем сердце... Слезы, негодование, сострадание, ирония... ирония-утешительница, мстительница — все это вылилось в его превосходной книге... Это наши мечты, мечты декабристов», — говорит Герцен. Многие из декабристов прямо указывали, что именно «Путешествие» Радищева способствовало пробуждению их общественно-политического сознания. Но в то же время Радищев, страстный проповедник крестьянской революции — «бунта от мужиков», Радищев, исполненный глубочайшей любви к трудовому народу, великой веры в его творческие силы, во многом идет даже дальше декабристов: через головы первого поколения русской революции — дворянских революционеров — протягивает руку второму ее поколению — революционным демократам. Явные отзвуки радищевского «Путешествия» слышатся в юношеской драме Белинского «Дмитрий Калинин». Со строфами оды «Вольность», в которых утверждается, что все ценности, вся мощь страны создаются руками народа, полностью совпадает пафос «Железной дороги» Некрасова. «Путешествие из Петербурга в Москву» исключительно высоко ставили Чернышевский и Добролюбов. «Радищев явился у нас первым в ряду тех передовых учителей жизни, между которыми такое видное место заняли потом Чернышевский и Добролюбов», — писал Плеханов, указывая на идейную близость автора «Путешествия» и революционных демократов, заключающуюся не только «в одинаковой или почти одинаковой точке отправления» — материалистическом миросозерцании, но и в «одинаковых или почти одинаковых выводах».

Радищев гордился русским народом. В свою очередь русский народ имеет все основания гордиться своим Радищевым. «Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты», — писал в 1914 году в статье «О национальной гордости великороссов» Ленин. «Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика»¹.

Первым среди памятников, воздвигнутых после Великой Октябрьской социалистической революции благодарным совет-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 85.

ским народом своим великим предкам, был памятник первенцу революции, стоявшему у самых истоков нашего революционного движения, — Радищеву. За сооружением памятника лично следил В. И. Ленин.

Товарищ Сталин учит нас: «...в жизни всегда существует **новое и старое, растущее и умирающее**, революционное и контрреволюционное... То, что в жизни рождается и изо дня в день растёт, — неодолимо, остановить его движение вперёд невозможно... Наоборот, то, что в жизни стареет и идёт к могиле, неизбежно должно потерпеть поражение, хотя бы оно **сегодня** представляло из себя богатырскую силу»¹.

Радищев был «пустынным сеятелем» свободы, но, по словам Ленина, «беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы»².

В 1952 году исполнилось сто пятьдесят лет со дня смерти Радищева. Больше ста шестидесяти лет тому назад обратился он в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» с первой революционной проповедью к народу. Автора этой проповеди постигла трагическая судьба. В течение многих десятилетий было запрещено произносить даже самое его имя. Но Радищев был представителем и поборником «нового», «растущего», «революционного». Он видел «сквозь целое столетие». Он верил в победу русского народа, народа, «к величию и славе рожденного», над его вековыми угнетателями — над помещиками и царем.

И семена, брошенные Радищевым, принесли богатые плоды. Запретное в прошлом имя выдающегося русского писателя и революционера с гордостью и благодарностью произносится ныне всеми народами великого Советского Союза.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 298—299.

² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 15.

★ К ЧИТАТЕЛЯМ ★

Издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу: Москва, Китайский проезд, 3.

53 КОП.